

ПОСЕТИТЕЛЬ МУЗЕЯ

Над водой висит густой плотный туман. Моросит дождь. Большой морской катер движется по черной воде. Борта больших кораблей, мимо которых проходит катер, возвышаются огромными утесами, сливаясь с туманом. То там, то тут из тумана выплывают багрово-красные круглые фонари. Катер движется, завывая сиреной, мимо домов, каких-то строений, стоящих прямо в воде, вероятно затопленных.

На палубе катера, под желтым фонарем сидит на чемодане человек в черном мокром плаще. Назовем его Макс, хотя это имя, как и имена всех других персонажей, абсолютно условны – никто не обращается ни к кому по имени на протяжении всего фильма.

Он сидит, прислонившись к холодной стене рубки. Кажется, что он дремлет.

Из рубки выходит матрос в плащ-накидке, подходит к Максусу.

– Скоро порт, – говорит он и возвращается в рубку.

Макс встает, идет следом. Громко стучит мотор, поэтому капитан кричит, обращаясь к Максусу:

– Везде свалка, все побережье, – кричит капитан, скользя пальцем по грязной заляпанной карте, висящей на стене рубки. – Пятьсот километров... Пятьсот, говорю!.. Это только на юг. А если на север, и того больше...

– Так, может, выйти у порта? – кричит Макс. – У пор-та?

– Нет. Лучше всего – мусоровоз.

– Что?

– Му-со-ро-воз, говорю! Поезд... Это поезд. Он через всю свалку идет. Вам нужно до резервации...

Капитан обвел пальцем какой-то кружочек на карте.

– Вначале поселок будет, для дебилов, – разъясняет он. – Дебилы живут там. Попросту – резервация. Потом комбинат по переработке отходов. Огромный комплекс. Издали видно. Они там работают. Увидите проволоку, сообразите... А потом – прямо вдоль берега и будет метеостанция. Она там одна стоит. Больше там ничего нет. Не заблудитесь...

...Макс снова стоит на палубе, держась за поручни, смотрит на воду, на большие красные огни, выплывающие из тумана. Вода кажется ему багрово-красной, как кровь... Бинты, грязная вата плывут в воде возле борта. Макс чуть поворачивает голову, прислушиваясь, медленно поднимает глаза. Смотрит вверх, будто видит кого-то.

– Кто здесь? – выдыхает он. – Кто это?

Макс смотрит вверх, затем медленно отворачивается. Оглядывается, снова отворачивается. Идет вдоль поручней к своему чемодану.

Садится, прижимается к стенке рубки, устало закрывает глаза. Проводит рукой по лицу, чуть морщится, как человек, мучимый какой-то болью или болезнью

– Бред... – шепчет он. – Бред какой-то...

Катер постепенно удаляется, растворяясь в тумане. Огромные красные огни-глаза высвечивают силуэт катера, когда он проплывает мимо них. Видна световая дорожка на воде. Она багровая, как кровь. Затем силуэт катера сливается с туманом.

Среди мусора, возвышающегося холмами, вьется тропинка. Макс идет через свалку, обходя завалы железа, стараясь не упустить тропинку из вида.

Свалка простирается до горизонта, конца ей не видно. Он идет среди груд металла и сгнивших кузовов машин, взбирается на холмы мелких предметов, осколков аппаратуры, корпусов телевизоров; зажимая нос, преодолевает, как болото, насыпи из гниющих пищевых отходов. Он спускается с горы, целиком состоящей из сгнившей одежды и обуви... Макс чуть замедляет шаг, словно почувствовав чей-то взгляд, медленно поворачивает голову, останавливается, поднимает глаза. Долго и

внимательно смотрит куда-то вверх. Резкий ветер порывами треплет его одежду, несет мусор вокруг его ног.

— Что тебе от меня?! — полушепотом, надрывно говорит он.

Свалка почти вплотную подходит к дому. Видны на окнах решетки, под ними — горящие факелы. Они вставлены в углубления в кирпиче под окнами, вероятно, специально для этой цели выдолбленные. Пламя от факелов высоко поднимается вверх, закрывая собой большую половину оконных стекол. На стеклах везде копоть и гарь, похоже, что факелы горят постоянно.

Макс подходит к дому, стучит. Стоит, ждет. Кашляет, задыхается. Ветер порывами несет грязно-серый ядовитый туман. Макс отходит к окошку возле двери. Стучит в закопченное стекло. С удивлением замечает у ног странный детский велосипед — трехколесный, с большим круглым циферблатом от часов вместо переднего колеса. В окошке появляется мужское лицо, всматривается в фигуру пришельца.

— Ветка железнодорожная где здесь? — кричит Макс.

— Какая ветка? — переспрашивает человек в окне.

— Мне нужен мусоровоз. Поезд-мусоровоз. Где останавливается?

Человек в окошке кивает в сторону двери.

Макс подходит к двери, продолжая кашлять.

Открывается дверь.

— Входите быстрее, а то пыль несет, — говорит мужчина, прикрывая нос и рот краем кофты.

Макс продолжает кашлять, не в силах остановить приступ удушья:

— Извините, можно воды?..

— Да, конечно, — говорит Хозяин, направляясь к рукомойнику в глубине прихожей. — Это от пыли. Ужасная пыль здесь... Вы бы шарфом хоть закрылись. Вредно же так... дышать.

Хозяин наполняет стакан водой из длинного очистителя, висящего над краном.

За рукомойником видна загородка для кур. Толстая женщина в затрапезном виде сыплет зерно несущкам.

Хозяин протягивает Максу стакан.

— Спасибо, — Макс медленно, с наслаждением пьет.

— Мусоровоз будет через час, не раньше, — замечает Хозяин, разглядывая гостя. — Подождите... Может, хотите есть? У нас пансион, очень недорого...

— Спасибо, я сыт...

— Тогда чашечку кофе? С бутербродами?

— С удовольствием...

Хозяин достает из буфета посуду, ставит ее на поднос. К нему подходит Хозяйка, торопливо вытирает руки о фартук — они в муке. Хозяин подходит к холодильнику. Теперь видна сквозь открытую дверь кухня. У входа на кухню висят веревки, сушится белье. Хозяйка включает кофемолку. Возле нее крутится мальчик с непропорционально большой головой, пытается утащить со стола сырое тесто. Женщина бьет его по рукам, выталкивает из кухни, закрывает дверь.

Хозяин ставит поднос на стол. Тут же, на столе, начинает готовить бутерброды. За его спиной видны окна, освещенные снаружи горящими факелами.

— Что это в окнах? — спрашивает Макс. — Зачем огонь?

— А... Это... чтоб в окна не лезли. Тут резервация рядом. Дебилы... Так они в окна лезут, особенно по ночам... Жуть просто. А если огонь — то боятся... Они вообще боятся огня. Вы это учтите. Вы первый раз?

— Да, первый...

— Наверно, на комбинат?

— Нет... на метеостанцию.

— А платят там хорошо?

— Где?

— На станции... Вы к ним работать?

– Нет. Просто так... турист... хочу в музей пойти, который затоплен... Во время отлива...

– Ох уж этот музей, – вздыхает Хозяин. – Все с ума посходили.

– А что, много туристов?

– Да нет... очень мало... Не в этом дело...

– А в чем?

– Гибнут многие! Тонут. Каждый год кто-нибудь... Не понимают. Это же море. Шутки, что ли...

– Мне говорили, отлив – ровно семь дней... Три дня туда, три обратно... Можно рассчитать...

– Рассчитать... – хмыкнул Хозяин. – А что такое дно моря, когда вода ушла, вы представляете? Это пустыня! Ничего не стоит сбиться с пути, потерять направление... А прилив идет сразу. Большая волна идет. Не успел вернуться – конец...

– Можно взять надувной жилет...

– Пробуйте, дело ваше... Конечно, иметь фотографии музея приятно. Свои, я имею в виду, не те, что в энциклопедии...

– Да можно и без фотографий... Интересно же... потрогать руками... История все-таки...

– Вы ешьте, пожалуйста... Сейчас принесу кофе.

Хозяйка готовит тесто. Скалка проворно мелькает в ее руках. Она нервно провожает глазами Хозяина, появившегося на кухне, видно, хочет о чем-то спросить.

– Он турист? – наконец быстро говорит она. – Я спрашиваю...

– Да, турист, – не оборачиваясь, отвечает Хозяин. Он стоит у плиты, поджидая, когда закипит кофе.

– Так можно сдать комнату наверху... Скажи ему... Что ты молчишь?

– Он договорился уже, на метеостанции.

– Ну и что... У нас дешевле... и пансион. Скажи ему...

– Уже сказал, – повышая голос, отвечает Хозяин.

Хозяин подходит к столу, приносит кофе. Возле стола стоит Старик в кальсонах, нижнем белье, обмотанный шарфом вокруг пояса. В руках у него книга. Он прижимает книгу к груди, смотрит на Макса, кивает, словно соглашаясь с чем-то.

– Папа! В каком вы виде? – громко, как говорят с глухим, кричит Хозяин. – Иди оденься! Оденься, говорю!

– А, вечно вы... – отмахивается Старик. – Дайте поговорить с человеком...

– Оставь человека в покое. Что ты ко всем лезешь? Извините, пожалуйста, – говорит он, повернувшись к Макс, и наливает ему кофе. – Он сумасшедший, не обращайтесь внимания...

Хозяин уходит. Старик, продолжая кивать, садится напротив Макса, ласково смотрит на него.

– Вот ты, гадать умеешь, по книге? – спрашивает Старик.

– Как?

– Ты мне погадай, – продолжает Старик. – Открой на любом месте, ткни пальцем... Только глаза закрой.

Старик придвигает книгу Макс. Теперь видно, что это старая потрепанная библия с облупившимися краями.

Макс закрывает глаза, открывает наугад книгу, показывает Старику пальцем строку. Старик поднимает с груди очки, висящие на нитке, читает, водит пальцем по строчке.

– «И если кто мертвый придет и скажет, и ему не поверят...» – произносит Старик и недоуменно поднимает глаза на Макса. – Как это мертвый придет? Что это значит?

– Не знаю...

– Что?

– Не знаю, – громко говорит Макс, вспомнив, что Старик плохо слышит.

– А... Ну погадай еще, – Старик снова придвинул книгу.

Макс открывает книгу, зажимает пальцем строку.

– «Господи, – читает Старик, – что есть человек, что ты помнишь о нем? И что есть сын человеческий, что ты посещаешь его?»... Посещаешь... – повторил Старик и надолго задумался. – Посещаешь...

Макс тоже задумался, словно вспомнил что-то, словно прислушался к чему-то... Возле горящих окон беззвучно ругались Хозяин и Старик. Хозяин что-то кричал Старику в ухо, выталкивая его из комнаты. Толстая женщина тоже что-то кричала, размахивая руками...

Мимо Макса двигались платформы с мусором. Мусоровоз шел медленно. Макс подждал пассажирский вагон в конце состава. Наконец вагон подкатил к Максусу. Это был действительно пассажирский вагон, бог весть когда созданный, проржавелый, с отслоившейся дырявой обшивкой. Все окна были выбиты, в рваных дырах, такое впечатление, что их били камнями. Свисала сорванная с петель и погнутая невероятным каким-то образом дверь.

Поезд чуть притормозил, донесся гудок локомотива, предназначавшийся Максусу. Он махнул рукой, вскочил на подножку, вошел в вагон. Поезд тут же начал набирать скорость.

Внутри вагона все было разбито, загажено. Макс шел по проходу, выбирая место, где бы пристроиться. Он прошел в конец вагона. Дверь в тамбур была открыта.

Макс увидел странную фигуру в тамбуре, у стены. Человек был в грязном рваном ватнике-спецовке, голова стриженная, с большими шишками-буграми на черепе. Плечи чрезвычайно широкие, а ноги очень короткие, в грубых башмаках. Под спецовкой болталось нечто вроде юбки. Человек царапал стену тамбура гвоздем, что-то рисуя. Вся стена вокруг была испещрена рисунками, как показалось Максусу – похабными. Человек почувствовал взгляд, повернул голову. Макс увидел дебильное лицо с бессмысленной улыбкой. Непонятно было – мужское или женское.

Макс вернулся в вагон, сел на скамью. Сквозь дырки в стекле окна видна свалка: однообразная бесконечная равнина...

...Огибая холмы мусора, Макс приближается к зданию метеостанции. Это большой дом-особняк, прямо за ним начинается море. Перед домом небольшая площадка, очищенная от мусора. На ней – вышки для сбора осадков, флюгер, большой белый шар – все типичные атрибуты метеоконтроля. Рядом с домом – пристройка-сарай. Под окнами дома горят факелы.

Макс подходит к двери, стучит, нажимает звонок. Дверь сразу открывается, Макс входит. Дверь закрывается.

Сильный порыв ветра проносится от свалки к дому. Катятся пустые ржавые банки. Пыльный вихрь раскачивает вышки для сбора осадков, несет мусор, рваные клочки бумаги.

...Макс опускает чемодан на пол, оглядывает комнату. Сквозь балконную дверь видны высокие черные волны – такое ощущение, что они разбиваются прямо о стены дома.

На пороге комнаты стоят двое – хозяин и хозяйка, Рау и Ингра.

– Вот видите, места много... – говорит Ингра. – Но холодно только... Может быть, все-таки на той стороне дома?

Она растерянно оглядывается на мужа. Он неопределенно пожимает плечами.

– Такая прекрасная комната, – продолжает она, – я специально для вас приготовила...

– Нет-нет, мне очень нравится здесь... правда, – говорит Макс.

Какая-то странная взволнованность чувствуется в нем, как у человека, чье предчувствие неожиданно сбылось.

Внезапно он, вспомнив, торопливо достает бумажник, вынимает деньги.

– Возьмите вот, пожалуйста...

– Ну что вы... можно потом, – говорит Ингра, однако деньги берет. – Завтрак, обед, ужин – у нас в гостиной... Если хотите в комнату – я могу приносить вам...

– Не беспокойтесь... не надо...

– Ну что ж... отдохайте... Я позову вас к ужину. – Ингра и Рау выходят из комнаты.

Огромные черные волны движутся над затопленными строениями. Видны только остатки крыши, два-три столба с оборванными проводами. Вероятно, дом стоит на холме, от которого вниз вела раньше улица. Макс все это видит через балконное стекло, стоя у двери. Он открывает балконную дверь, выходит на порог.

Балкон большой, похоже, что раньше здесь была веранда. Беспорядочно свалены плетеные стулья, сгнившие от воды. Волны перекатываются через край балкона.

Макс разбирает свой чемодан, достает фотоаппарат, компас, надувной жилет, два термоса с ляжками – на манер рюкзака.

Раздается вежливый стук в дверь.

– Да, пожалуйста, – говорит Макс.

Входит Рау.

– Извините, забыл сказать. Вам надо зарегистрироваться в инспекции. Такие правила, ничего не поделать... – он виновато улыбается. – Глупость, конечно...

– Что, прямо сегодня?

– Не обязательно. Нет... можно завтра.

– А если не регистрироваться? В конце концов, я всего лишь на пару дней...

– Нельзя, к сожалению, – вежливо улыбнулся Рау. – У нас могут быть неприятности... Теперь очень строго... Все, кто хочет идти в музей, должны отмечаться в инспекции... Если бы от меня зависело...

– Ну да... я понимаю, – почти перебивает его Макс. – А где это? Эта инспекция?

– В резервации... на территории комбината... Служанка проводит вас... Ей туда на прививку. Вместе пойдете...

Издалека доносится негромкое звяканье посуды.

– О, кстати... Похоже, что нас зовут ужинать, – улыбаясь, добавляет Рау. – Мы ждем вас.

Рау уходит, закрывает дверь преувеличенно аккуратно. Во всех его мелких движениях, манере держаться поражает несоответствие между мужественной внешностью, не лишенной привлекательности, и внутренней, проявляющейся в неосознанных мелочах, лакейской услужливостью.

Макс закрывает чемодан, смотрит, куда бы его поставить, но произвольно начинает думать о чем-то другом, явно малоприятном, мельком взглянув на дверь, только что закрывшуюся за хозяином дома.

Гостиная представляет собой большую комнату, хорошо обставленную. Пол натерт до блеска. В окнах виден огонь от факелов, пламя высоко поднимается вверх. Блики огня мелькают на полу, на стекле, на всех предметах, стоящих в комнате.

За столом, кроме хозяев и Макса, еще двое. Они сидят чуть в стороне от остальных, на другом краю большого стола. По одежде, по лицам видно, что они явно из дебилов.

Телевизор работает без звука. Все поглядывают туда, пряча неловкость. Молчат. Вероятно, никто не объяснил Макс, кто эти двое. Назовем их Тина и Дурик.

На экране демонстрация мод. Спортивного вида мужчины красуются в женских туфлях на высоком каблуке. Чередой проходят варианты и различные сочетания одежды с таким новшеством...

– Опять моду меняют, – замечает Ингра, с интересом следя за экраном. – Каждый месяц стали менять. Раньше так не было... – И, повернувшись к Макс, добавляет: – Ничего, что без звука? Я, знаете, не могу, когда шум...

Дебилы встают, мнутя, словно не зная, что делать дальше.

– Поели? – строго спросила Ингра, обращаясь к ним. – Что нужно сказать?

– Спасибо... – мямлит Дурик.

– Приятного аппетита... – говорит Тина чуть слышно.

– Можете идти, – командует Ингра.

Дебилы уходят.

– Извините, я забыла спросить, – тут же переходя на светски вежливый тон, обращается Ингра к Макс. – Если вам неприятно, они могут есть внизу, у себя...

– Нет-нет, что вы... А... Кто это?

Хозяева переглядываются, словно не зная, кому из них лучше объяснить.

– Как вам сказать, – начинает Ингра. – Вроде как служащие...

– Собственно, дальние родственники, – вдруг уточняет Рау.

– Ну да... – перебивает его Ингра. – Оба из резервации... Брат и сестра. Мы взяли их как прислугу. Вдвоем не управиться, не хватает рук.

– Но мы их воспитываем по мере сил, – добавляет Рау.

– Да, – соглашается Ингра. – Вы бы их видели год назад... Обезьянник – и только... Чему их там учат, в резервации, непонятно...

– Ничему их не учат, в том-то и дело, – замечает Рау. – А между тем сорок процентов детей каждый год рождаются дебилами. Это статистика. Нетрудно предположить, что будет...

– Вы, кстати, не говорите при них о музее, – просит Ингра, – что вы пойдете в музей... Ни в коем случае...

– Да? Почему? – Макс явно удивлен такой категоричностью просьбы.

– Да-да, не стоит, – добавляет Рау. – У дебилов во время отлива религиозный праздник. Жрецы и все прочее... Короче, религиозный психоз. Истерия... Так что возможны эксцессы... В резервации, разумеется, не у нас, – спохватившись, уточняет он. – Вы не волнуйтесь, но все-таки... Лучше, чтобы они не знали, что вы идете...

– Вы имеете в виду «праздник веточек», так, кажется, он называется?

– Веточек, да... – иронично повторяет Рау. – А вы что-нибудь знаете об этом?

– Читал кое-что... фотографии видел.

– Не знаю, что вы читали, но только какие там веточки!.. Вернее, если бы только веточки, – саркастически усмехнулся Рау. – Мракобесие полное. Стадный экстаз. Психопатия... Дебилы, что вы хотите...

– Магнитные бури во время отлива, – замечает Ингра. – Я думаю, в этом все дело...

– Вообще странно, – помолчав, говорит Макс. – Дебилы боятся огня, а при этом – зажженные веточки... то есть огонь.

– Ничего странного, – безапелляционно заявляет Рау. – Такова психология: чего боятся – тому поклоняются.

– Да что мы всё дебилы и дебилы, – светски улыбаясь, меняет тему Ингра. – Нашли о чем говорить... Расскажите лучше, что в городе нового? Вы, кстати, живете в самом городе или в пригороде?

– В городе, почти в центре...

– Ну и что же там новенького? Я два года уже не была...

– Не знаю, что вам сказать... По-моему, ничего нового... Не знаю...

– Ну, ладно тебе, – вмешивается Рау, – устал человек с дороги... Что ты, действительно? Завтра расскажете...

Рау встает.

– Я вот что думаю, – обращается он к Макс, – пока не стемнело, давайте я все-таки покажу вам это место, откуда можно идти... Здесь, возле дома, очень плохое дно. Обрыв. Отсюда нельзя. Просто опасно.

– Вы думаете, сегодня возможен отлив? – спрашивает Макс, поднимаясь из-за стола.

– В любой день на неделе... Каждый год по-разному...
– Благодарю вас, – обращается Макс к Ингре. – Очень вкусно...
– Не за что... Я очень рада, что вы приехали... Правда, – говорит она, украдкой прихорашиваясь.

Темнеет. Редкие молнии вспыхивают вдали, дождя нет. Над морем багровая полоса неба. Вода кажется красной. Сильный ветер.

Рау и Макс идут вдоль берега. Рау в респираторе, Макс закрывается шарфом. Свалка уходит прямо в воду. Волны выбрасывают на берег всякий хлам, и он снова откатывается в мутную пену прибоя.

– Нужно вам заготовить воду, – говорит Рау. – Еду и воду, это прежде всего. Компас у вас есть?

– Да, конечно...

– Идти по дну очень трудно, учтите... Почва вязкая... Тут вообще неровное дно...

Они подходят к небольшой отмели.

– Вот это место, – показывает Рау. – Отсюда лучше всего идти.

Макс подходит к воде поближе. Стоит, смотрит. На отмели среди волн стоит ржавый большой автобус. Еще дальше – непонятный предмет, похожий на огромный сейф.

Рау подходит к Максиму. Стоит рядом, ждет. Зябко вжимается в плащ под пронизывающим сильным ветром.

– А что дебилы? Они не ходят в музей? – спрашивает Макс.

– Ну что вы... Они слабосильные. Это им не под силу... Я ж говорю, нужна прекрасная спортивная форма, нужна большая выносливость. Семь дней пути – шутка ли? Не каждый здоровый сможет, а что дебилы... Смех просто...

– А вы никогда не пробовали пойти?

– Зачем мне это нужно... Запах тут неприятный, чувствуете?

– Химия, что ли?

– Да, отходы... Практически мертвое море.

Они идут обратно. Макс думает о чем-то своем, поглядывая в сторону темнеющего моря.

– А в прошлые годы? Ходил кто-нибудь? – спрашивает он.

– Вообще-то многие ходят, – Рау задумался. – Про всех не знаю. Из тех, кто у нас жил... Девица была с приятелями в прошлом году... Ну, эти не в счет. Прошли полпути и вернулись. Боялись – начнется прилив... В позапрошлом году – муж с женой приезжали... Они утонули... Я думаю, не успели вернуться, не рассчитали... А может, сбились с пути... Если честно сказать – многие гибнут. Так что вы подумайте все-таки...

Он поднял глаза на Макса.

Словно прислушиваясь к чему-то, Макс медленно поворачивал голову, глядя куда-то вверх.

– Что с вами? – недоуменно спросил Рау.

– А? – вздрогнул Макс, посмотрел на Рау, словно видит его впервые. – Ничего, так просто...

Почти совсем стемнело. Возле пристройки-сарая видны две темные тени: Тина и Дурик. Они завозят в сарай тележку-двуколку с большими железными колесами. Рау подходит к ним, говорит что-то, показывая на открытую дверь пристройки, затем берет длинный шест с паклей на конце. Подходит к окнам, зажигает паклю и, подняв шест высоко, поджигает факел у верхнего окна.

В окнах горит огонь. Отблески пламени сквозь стекла озаряют всю комнату, мелькают на шкафах с книгами, плотно стоящими вдоль стен. Библиотека большая, добротная.

Макс листает книги, вглядывается в иллюстрации.

– Главное – это холм, конечно... Холм – это центр музея, его сущность. Но вот холма-то как раз тут и нет... – Макс закрывает книгу, кладет ее на стол. – А энциклопедии нет у вас?

– Там только рисунки... Сейчас, дайте вспомнить. – Рау ставит стремянку, поднимается по ней наверх, берет несколько книг с верхней полки. – А почему вы решили, что холм это главное? Музей – это город прежде всего... Весь город...

– Как сказать... Ведь вот у жрецов, в так называемых священных страницах...

– Что у жрецов?

– О холме, о музее... «И откроется путь от сего времени к началу мира. И откроется город древний и великие тайны его. И откроется холм возле города, на котором стоит святиня непреходящая...» Так сказано... Значит, холм – главное...

– Перестаньте. Как можно всерьез воспринимать эту галиматью? Сумасшествие и ничего больше...

– Не думаю... Тексты жрецов не так уж наивны, как кажется...

– Я не сказал – наивны, я говорю – безумны. Жрецы – это те же дебилы, только в другом варианте... Не надо тут заблуждаться... Конечно, возможна своя культура у них и своя религия, дебилская, так сказать, – Рау хмыкнул. – Почему нет?

– Что касается безумия, это не аргумент. Ведь и в нашей культуре есть нечто подобное... Вот, скажем, Павел, апостол, который сказал: «Кто хочет быть мудрым – безумным будь, а мудрость же мира сего есть безумие перед богом», так, кажется...

– Ну, он другое имел в виду.

– Почему? То же самое, в сущности.

– Откуда вы все это знаете? И про дебилов, и про жрецов... Тексты эти...

– Я ведь историк. По профессии... Я изучал это. Давно, правда. В университете.

– Не знаю... Я, конечно, не изучал специально, но, по-моему, это все бред. Что значит – «Откроется путь от сего времени к началу мира»? А что есть начало мира, кто знает?

– Начало мира есть Бог...

– Вы это серьезно? Что ж, по-вашему в начале был Бог?

– Почему был? Он есть... Только мы против него...

– Кто мы?

– Человечество... Человеки...

Ночь. Открыт балкон. Вдали видны красная луна и темно-красные волны в дорожке лунного света.

Макс стоит, прислушивается к чему-то, вдруг резко поворачивается.

– Кто здесь? – шепотом произносит он, всматриваясь в темноту комнаты.

Стоит, ждет. Никого нет в комнате. Он выходит на балкон, прижимается к стене. Тяжело проводит рукой по лицу. Тяжело сглатывая, сжимает рукой горло, словно сдерживая нечто, прорывающееся изнутри: истерику ли? Рыдание ли?

В свете луны темно-красными кажутся волны. Они движутся в полутьме, накатываясь на балкон. В странной подробности освещено перед ним шевеление воды под балконом, движение мелких предметов, щепок, грязных пакетов, узоры пены. Ему кажется, что он приближается к этой страшной багровой поверхности и что это вовсе не вода, а нечто живое, дышащее, видимое с огромной высоты. Первоматерия мира...

...Он двигался вдоль стены, прижимаясь всем телом к ее шершавой поверхности, ощупью пробуя ее, словно идущий по краю скалы. Он чувствовал пустоту где-то рядом, он слышал ее особое звучание, которое невозможно перепутать ни с чем. И страх высоты дурнотой подступал к горлу...

Пятясь, он начал двигаться от края притягивающей пропасти, но ноги не слушались его, заплетались, руки отчаянно скользили по стене, тщетно пытаясь ухватиться за что-нибудь. И тогда от собственного бессилия, от ужаса высоты,

истязающего его сознание, он неожиданно для себя заплакал, прижавшись к холодной стене.

...Отблески воды на стене. Рука Макса медленно опускается. Он лежит на кушетке, не раздеваясь, спиной к стене. Стоит стакан у его изголовья. Ярко на нем играет свет. Он становится все ярче и ближе... Макс спит.

...Его взгляд летел над водой. Внизу было море, холодное, неприветливое. Большие волны с белыми гребешками беззвучно двигались в бесконечности океана. Вода, волны – ничего нет больше. Пустыня. То ниже его полет, почти касаясь волн, то выше, сквозь клочья облаков. Облака серые, низкие. Нет берега. Безутешность.

Далеко внизу видны свалка, фигурка человека. Он кружит над фигуркой, словно птица, постепенно снижаясь.

...Мальчик из семьи эмигрантов, большая, неестественно развившаяся голова, улыбка бессмысленная. Он едет медленно на трехколесном велосипеде вокруг большой кучи банок.

...Колеса велосипеда – из циферблатов больших часов – медленно вращаются, постепенно останавливаясь...

...Мальчик идет к брошенным телеграфным столбам с оборванными проводами, возвышающимися среди куч мусора, утопая в нем. Столбы деревянные. Они горят, сильный ветер раскачивает пламя.

...Мальчик смотрит, улыбается. Подходит ближе...

...Женщина из семьи эмигрантов торопливо опускается с большой, как гора, кучи хлама, одежды, обуви. Она кричит что-то беззвучно, яростно жестикулирует. По склону холма из вещей видны фигуры людей, погруженных по грудь в сыпучее месиво свалки. Они роятся в вещах, выбирая пригодное к пользованию.

...Башмаки Хозяйки скользят по склону рядом с их лицами. Она что-то кричит им, показывая куда-то вперед рукой. Спускается, снова кричит, словно хочет предупредить о чем-то, предостеречь, остановить нечто непоправимое...

– Что?! – Макс резко отворачивается от стены, не понимая, что его разбудило. Лежит, всматривается в темноту, глаза не могут привыкнуть к полутьме комнаты.

Он слышит осторожные шаги, всхлипывания, кто-то приближается к нему, останавливается, снова отходит.

Где-то очень далеко раздается непонятный, берущий за душу вой.

– Тебе что? – шепчет в темноту Макс. – Ты почему здесь?

Он приподнимается, садится на кушетке.

Возле дверей, прислушиваясь к чему-то, стоит Тина. Дрожит то ли от холода, то ли от страха.

– Сюда идет, – наконец выдыхает она чуть слышно.

Садится на корточки, прижимаясь к дверям.

– Кто?...

– Покойник... Покойник идет... Слышите?

Где-то вдали снова раздается протяжный нечеловеческий вой.

– Что ты болтаешь? Какой покойник еще, – уже окончательно проснувшись, говорит Макс. – Сумасшедший какой-нибудь, из резервации...

– Нет. Покойник. Я знаю, – чуть всхлипывая, бормочет Тина.

– Ну пусть покойник, – спокойно говорит Макс. – Сюда же он не может войти? Правда? Ведь дверь заперта?

– Я знаю, – всхлипывает Тина. – Все равно... Страшно...

Макс берет с полочки стакан с водой, медленно пьет, раздумывая, как быть. Смотрит на Тину.

– Ну, посиди здесь, если боишься, – наконец произносит он устало.

– Нет. Лучше вы...

– Что я?

– У нас... внизу. Посидите. Мне нельзя здесь. Хозяйка ругает. – Она помолчала. – Вы умеете зажигать печку?

- Печку?.. Ну, в общем... наверное.
- У нас печка погасла. Там огонь. Я боюсь зажигать.

...Макс достает дрова, лежащие в простенке аккуратной стопкой. Неожиданно резко оглядывается, почувствовав чей-то взгляд. Прижимая к груди дрова, Макс идет вдоль стены прихожей, приближаясь к окну возле двери. Прихожая большая, своего рода холл, с несколькими окнами вдоль наружной стены. Только в одном из них виден огонь факела, остальные погасли.

В окне возле двери мелькнула какая-то тень и пропала.
Макс замер, остановился.

Снова появилась тень в том же окне, затем размытый силуэт приблизился к стеклу.

...Человек в окне был очень стар. Глубокие морщины покрывали его белое лицо. Длинные седые волосы торчали, развеваясь под ветром. Странной была одежда его – в истлевшей материи угадывались остатки нарядного черного костюма и некогда белой рубашки с застегнутым наглухо воротом. Человек в окне что-то кричал, но крика не было слышно. Беззвучие. Только слышен был скребущий звук отросших ногтей по стеклу. Человек в окне снова беззвучно выкрикнул что-то, затем схватился за горло, словно его душили рыдания, и, запрокинув голову, отшатнулся от окна в темноту. И тогда снова раздался протяжный нечеловеческий вой. Его лицо появилось в другом окне.

Макс спускался по лестнице, ведущей в подвал. Далекий хриплый стон, скребущий звук ногтей по стеклу снова донесся до его слуха, будто звал его.

Макс оглянулся, посмотрел в сторону окна. Лицо неизвестного прижалось к стеклу, руками он делал отчаянные жесты, подзывая... Смертельной тоской исказилось лицо его. Белели неживые, почти без зрачков глаза на его лице. По щекам катились слезы.

...Макс зачерпнул совком уголь из ящика, огороженного задней стенкой шкафа, пересыпал уголь в ведро.

Дурик ходил из угла в угол, от стены к стене, складывая по-разному руки на груди, словно считая про себя, загибал пальцы, останавливался, шел обратно, изредка чуть поворачивая голову на шуршание совка с углем, звяканье ведра и другие звуки, сопровождавшие растопку печки.

Странное помещение предстало перед Максом: поросший высокой травой земляной пол, много мебели, беспорядочно сваленной в глубине подвала, шкафы, большой старый диван. Рядом с ним лежала корова с неестественно большими человеческими глазами. На диване лежали игрушки – сломанные, ржавые – остатки детской железной дороги. Сквозь маленькие оконца светило пламя факелов снаружи, освещая подвал неровным бликующим светом.

Дурик, продолжая свое равномерное хождение по подвалу, подошел к стене, уставился на Тину. Она стояла на коленях и изо всех сил стучала кулаками в стену, рыдая, раскачиваясь, бормоча не переставая: «Выпусти, выпусти меня отсюда...» Бесчисленные выбоины и вмятины на стене сочились белой пылью штукатурки. Над вмятинами висел большой грязный, явно со свалки, полиэтиленовый пакет с картинкой-репродукцией «Снятие с креста».

Дурик заволновался, глядя на Тину, тоже начал стучать рука об руку, не отнимая кулаков от груди, затем посмотрел пристально куда-то в угол, подошел к железной койке, утопавшей в высокой траве, сел. Стал рыться в грудке тряпья, достал из-под подушки какой-то предмет, оглянулся, будто скрывая этот предмет от посторонних взглядов, и подошел к шкафу, открыл дверцу, присел и стал прятать предмет, оглядываясь. В пыльном зеркале дверцы шкафа отразилась корова.

Макс открыл заслонку печки, подложил дров. Где-то неподалеку снова раздался душераздирающий вой.

Макс повернул голову.

– Ой, – заскулила Тина. – Сюда идет. Чувствую... уже близко... Он дверь открывает... Я чувствую...

Она судорожно ударяла рука об руку кулачками у груди, продолжая вздрагивать всем телом.

Дурик подошел к Макс, усталился на огонь в печке.

– Огнем его надо пугать! Огнем...

Он как-то неловко выдвинул вперед руку несколько раз, словно показывая, как надо пугать.

– Кого пугать? – спросил Макс.

– Покойника... – ответил Дурик, продолжая показывать рукой. – Огнем! Огнем...

Макс встал и решительно направился к двери, ведущей из подвала наверх.

– Не ходите! – истерично зашептала Тина. – Нельзя смотреть! Нельзя это... Нельзя!

Макс поднялся по лестнице, но не вошел в прихожую, остановился, услышав торопливые шаги, хлопанье дверей.

– А черт, житья не стало от этих уродов, – донесся голос Ингры.

Держа в руке прут с горящей паклей на конце, Ингра металась от окна к окну большой, просторной, как холл, прихожей, высматривая покойника. Появился Рау, тоже с горящим прутом.

– Я говорила, что факелы ночью погаснут. Говорила тебе или нет? – ненавидяще выкрикивала она, продолжая следить за окнами.

– Ну кто мог думать... Я же смазал...

– Смазал он... А черт! Вот он!

Ингра, подбежав к окну, ткнула пальцем в сторону лица неизвестного.

– Атур! Атур! – грозно выкрикивала при этом Ингра.

Покойник отшатнулся, взвыл, но тут же перебежал к другому окну.

– Атур! Атур! – выкрикивали поочередно Ингра и Рау, выбрасывая вперед руки с огнем, перебегая от окна к окну.

Макс стоял в глубине прихожей, за их спинами. Они не замечали его.

Утро. Серенький мелкий дождик моросит по большим лужам. Из пристройки-сарая Тина и Дурик выкатывают тележку. Рау меняет фильтры в коробках для замеров.

Все сидят за столом на тех же местах, как и во время ужина.

– ...Каждый день сообщаем замеры, а что толку? – говорит Рау, продолжая беседу. – Вообще, это закрытая информация, но я скажу: уровень загрязнения ужасающий... Если честно... воздух, вода, почва – страшно сказать... А что делать? Нельзя же остановить технологию, это понятно...

– Ничего страшного. Изобретут что-нибудь, – замечает Ингра. – Очиститель какой-нибудь или фильтры...

– Смешно слушать... Фильтры! – распаляется Рау. – Какие фильтры? Конечно, странный феномен с точки зрения психологии. Везде пишут, все говорят: экологическая катастрофа, экологическая катастрофа... Ну и что? Что в результате, я спрашиваю? А ничего... Заводы остановить нельзя, эксперименты всякие тоже... Замкнутый круг. Я, кстати, считаю, что заморозить ледники не удастся. Вода прибывать будет и дальше... Это факт.

– Так, значит, потоп, что ли? – уточняет Макс. – В перспективе, конечно...

– А что вас так удивляет? Конечно, потоп, – почти радостно говорит Рау – чувствуется, что он сел на своего любимого конька. – Именно... Самый что ни на есть настоящий, но только через пятьдесят лет. В этом все дело! А что значит – через пятьдесят лет? Кто будет из нас жив в то время? Никто. Потому никого не волнует все это. Увы, такова психология homo sapiens... Я, кстати, в прошлом психолог... Можете мне поверить.

– Зато в настоящем ты дурно воспитанный человек, – светски парирует Ингра. – Что за манера такая – испортить застолье дурацкими разговорами. Не понимаю... – И, обращаясь к Макс, добавляет заботливо: – Ешьте, пожалуйста... Может быть, молока хотите? Мы, кстати, держим корову, прекрасное молоко, домашнее...

– Спасибо, я сыт.

– А если чай с молоком?

– Да, пожалуйста...

– Чай с молоком очищает кровь, – поучительно замечает Ингра, наливая Макс чай. – Я в журнале читала. Очень полезно...

Тина вдруг начинает судорожно дышать, спазмы перехватывают ей дыхание. Она пытается остановить их, но припадок все нарастает.

Ингра тут же перевернулась в лице, напряглась, насторожилась.

– Выйди из-за стола! – тихо и злобно, почти ненавидяще говорит она. – Кому говорю!

Но припадок уже в разгаре. Тину колотит. Глаза бессмысленные. Ужас застыл в них. Наконец, в ее груди словно прорвало что-то. Хрипло, не своим, чужим каким-то, страшным голосом Тина выкрикивает:

– Песок полагают на кости наши!

Она захлебывается рыданиями, но тут же затихает, осмысленность и испуг появляются у нее в глазах.

– Вы... вы... что-то сказали? Какой песок? – пугливо пригнув голову, спрашивает она у Ингры. – Я... не понимаю... Извините... не знаю...

Ингра встает, резко берет Тину, что называется, «за шкирку», приподнимает из-за стола, чуть поворачивая к себе ее лицо. Тина вжимает голову в плечи, увертывается от взгляда Ингры.

– Пошла вон отсюда, обезьяна! – цедит Ингра сквозь зубы. И так же, не разжимая хватку, тащит упирающуюся Тину к дверям.

Рау сконфуженно опускает голову.

– Это не я! – всхлипывает Тина. – Кто-то другой... приходит и мучает меня... Я не знаю кто... Это не я, не я... Я сама боюсь.

Ингра выталкивает ее из комнаты, плотно захлопывает дверь за собой. Из-за дверей раздается звук звонкой затрещины, затем всхлипы и рыдания, постепенно удаляющиеся.

Рау, Макс и Дурик молча сидят за столом.

– Припадок... Что делать, – Рау, извиняясь, разводит руками. – Извините, пожалуйста...

– Я понимаю, – тихо отвечает Макс, сосредоточенно изучая свою чашку с чаем.

– А нам пора заниматься, – говорит Рау, обращаясь к Дурику. Встает, подходит к нему, останавливается над ним. – Я жду...

Дурик нехотя поднимается, собирается идти, но Рау придерживает его, кивая в сторону Макса.

– Что нужно сказать?

– Приятного аппетита, – безразлично произносит Дурик.

Оба уходят.

Макс продолжает сидеть за столом, смотрит куда-то перед собой, на пылающие пламенем окна гостиной.

Картинки, репродукции, фотографии: древний человек, Средневековье, Возрождение, XVIII, XIX, XX века. Портреты, лица, костюмы...

Рау разложил фотографии, встал рядом с Дуриком.

– Так, – сказал Рау, – повторим пройденное вчера. Что создал человек за свою историю?

– Человек, – медленно произнес Дурик, – создал свалку...

– Не свалку, – повысив голос, сказал Рау, – а материальные ценности мира. Город, вещи... Ты понял? Теперь повтори...

– Человек создал... вещи, – неуверенно произнес Дурик.

Хлопает дверь.

– Я не помешаю? – говорит Макс. – Хочу посмотреть карты.

– Пожалуйста, пожалуйста, – отвечает Рау и, вернувшись к Дурику, продолжает: – Ну хорошо... Вернемся к этому после. Перейдем к главному. Смотри, – сказал он, показывая на фотографии. – Цепочка. Из рода в род. Умирали,

рождались, старились. И каждый имел детей. Себе подобных... Подобие... Понимаешь значение?

– Понимаю, – ответил Дурик. – Каждая женщина в животе имела... свое будущее.

– В животе имела? – переспросил Рау, вскинув глаза на Макса. – Хм, интересно. Впрочем, можно сказать и так. Но главное – это подобие. А потом вдруг стали рождаться дети-уроды, мутанты, жертвы экологической катастрофы.

Он положил на стол фотографии.

– Это ты, – сказал Рау и, кивнув в сторону окна, добавил: – Это они, те, кто живет в резервации. Это те, кто родился после... После чего? Ну, повтори...

– После ошибки, – ответил Дурик неуверенно.

– Правильно! А в чем была ошибка? Вспомни!

Рау подходит к Максусу и замечает вполголоса:

– Довольно сложно объяснить сам термин – экологическая катастрофа. Им не с чем сравнивать. Нет исторической памяти...

Макс неопределенно кивает. Рау возвращается к Дурику.

– Ну что? Вспомнил?.. Так в чем была ошибка?

– Человек... забыл самого себя, – отвечает Дурик.

– Опять ты свое! – стукнул с досады ладонью по столу Рау. – Ну, напрягись! Не расслабляйся!

Он положил фотографию огромного промышленного комплекса, затем другие: озеро, покрытое слоем мертвой рыбы; мертвый лес; грязно-серое море запруженной машинами улицы, среди которой возвышается полицейский в противогазе; огромные волны, надвигающиеся на город, и вертолет, задетый гребнем волны...

– Ну? Что это? – теряет терпение Рау. – Что?

– Это проклятье, – тихо произносит Дурик.

– О господи, – застонал Рау. – Ну хорошо... Перейдем на язык метафор... Я согласен. Проклятье... В чем оно выразилось? В каких процессах?

– В том, – медленно произнес Дурик, – что Бог отвернул лицо свое... и наступил ад.

– Где? – уточнил Рау, с трудом сдерживаясь. – Где наступил?

– Везде, – говорит Дурик уверенно. – Где человек, там и ад... – И, помолчав, добавил: – В священных страницах сказано: если родился ты здесь, значит, ты проклят!

– Так, понятно, – говорит Рау, постепенно накаляясь. – Что еще сказано там?

– И еще сказано, – отвечает Дурик, не чувствуя подвоха, – «ибо похоть твоя к удовольствиям пожрет самого тебя»...

– Хватит! – взорвался Рау. – Чтоб я не слышал больше никаких священных страниц. Это же мракобесие какое-то! Ну подумай сам. Что за молитва такая – в стены стучать? Какие такие высшие силы? Что за страницы священные? Они не священные, они бумажные. Все это бред, невежество, темнота и безумие клерикалов. И больше ничего! В эпоху катастрофических климатических отклонений такие настроения неизбежны. Но человек разумный должен с ними бороться. Ты должен уже понимать это... И чтоб я не слышал больше ни о каком Боге. Нет его. И никогда не было.

Рау начал складывать фотографии, давая понять, что урок закончился.

Дурик сидит, низко опустив голову, и Рау не сразу замечает, что он плачет.

– Это еще что такое, – опешил Рау. – Ну, не все сразу. Надо трудиться, преодолевать себя... Аутотренинг даже нормальному человеку дается с трудом...

– Жалко... – всхлипнул Дурик.

– Что жалко? Кого?

Дурик молчит.

– Ну вот что, – процедил Рау. – Иди-ка ты отдыхать. И скажи Тине, пусть собирается. Проводит нашего гостя в резервацию... Ему документы оформить надо...

Рау подходит к Максусу:

– Я думаю, вам лучше сходить сейчас. Пока светло...

Скрипят стальные канаты. Небольшой понтонный плот, превращенный в паром, медленно движется вдоль полузатопленных строений.

Макс и Тина стоят у перил. Тина чуть в стороне, отвернувшись от Макса. Макс, скосив глаза, внимательно смотрит на нее. Она не замечает его взгляда или делает вид, что не замечает, потому что чувствуется – внутренне напряжена, неуклюже сторблена, как бывает с людьми, когда их разглядывают.

Макс видит ее протертое, бессмысленное в своем уродстве пальто, грубые чулки со штопкой, нелепые носки, надетые поверх чулок и выпирающие из больших тупоносых ботинок.

Макс отводит глаза, смотрит в сторону. Ровная гладь воды – грязь, мусор, банки стучаются о борт парома.

Тина и Макс идут вдоль забора из колючей проволоки. За ним видны грязно-серые корпуса комбината. Большие красные огни просвечивают в тумане над стенами цехов. В красноватом мареве снуют тени.

Они пролезают в большую дыру ограждения. Тина показывает Максру рукой к воротам цеха, а сама поворачивает в другую сторону.

Большие ворота, ведущие в цех, открыты. Туда движется колонна дебилов – вприсядку, на корточках, руки за голову. Черные ватники, грязные спецовки. Многие из них стрижены наголо. Вдоль колонны неторопливо прохаживаются воспитатели – в одинаковых плащах-макинтошах, шляпах, под шляпами – противогазы.

Один из воспитателей подводит к колонне человека в спецовке, такой же, как и у остальных, но по виду он явно отличается: борода, длинные спутавшиеся волосы. Человек скорее похож на опустившегося священника, чем на дебила. Он препирается с воспитателем, не хочет садиться на корточки. Другой воспитатель, подойдя сзади, сильно бьет его резиновой дубинкой по шее. Бородатый падает в грязь, но тут же приподнимается и на корточках пристраивается к колонне.

...В цеху стоит невообразимый гул. Макс объясняется с воспитателем жестами. Тот показывает ему рукой в глубину цеха. Макс идет туда. Все вокруг красно-черное: сквозь иллюминаторы печей бьет багровый свет, фонари освещения красные от красноватого пара, сочащегося из труб. Дебилы толкают тележки с хламом, предназначенным к переработке. Мелькают макинтоши воспитателей.

Поднявшись по ступенькам, Макс видит сверху огромный цех. В центре цеха, среди работающих, расхаживает комиссия: пять одинаковых макинтошей и шляп. Перед ними суетится шестой, видимо, что-то объясняя и показывая.

Небольшое помещение – стол, сейфы, шкафы для бумаг. Пыльное, закопченное окно выходит в цех. С другой стороны – дверь в соседнее помещение, заваленное обувью. На стене у входа висят противогазы, плащи и шляпы.

– В музей, значит, собрались? – казенно улыбаясь, спрашивает Инспектор.

– В музей, – устало отвечает Макс, преодолевая приступ кашля.

Инспектор стоит к нему спиной, роется в сейфе, выскивает нужные бланки.

– Вот, – Инспектор протягивает Максру чистый бланк, – формуляр заполняйте.

– А зачем это, собственно? – настороженно спрашивает Макс.

– Ну как же... мало ли что... – многозначительно замечает Инспектор. – Внизу напишите: предупрежден о возможных последствиях, подпись. Инспекция резервации ответственности не несет, тоже подпись.

Макс, вздохнув, садится заполнять формуляр. Инспектор тоже садится с другой стороны стола, достает термос, наливает в стаканчик темную жидкость, пьет, смотрит на Макса.

– Утонуть не боитесь? – спрашивает он между глотками.

– Надеюсь, мне повезет, – отвечает Макс, не поднимая головы.

– Некоторым везет, это правда. Но только зачем? Рисковать жизнью, чтоб посмотреть развалины, сгнившие к тому же...

Макс не отвечает, пишет.

– Там же вонь такая, наверно, – не умолкает Инспектор, – это же дно... И вредно, кстати... Отходы, вся эта химия – она же на дно уходит...

Макс молча пишет, не отвечает.

– Ну, в общем, как знаете... Я предупредил вас...

К столу подходит один из воспитателей. Под мышкой – полицейская кобура на ремнях, так же как и у Инспектора.

– Видал? – торжествующе восклицает он и ставит на стол перед Инспектором женские туфли-лодочки, точь-в-точь как те, что рекламировались по телевидению. – Крик моды!

– Ты где взял? – Инспектор восхищенно разглядывает туфлю. – Где взял, говорю?

– А вон! – королевским жестом, прыскавая от умиления, показал Воспитатель в сторону соседнего помещения. – Две тонны таких! На выброс! Мусоровоз сегодня привез...

– Брось... Они ж как новые...

– Ну! Иди посмотри. Я сам не поверил. – И, повернувшись к Макс, в ожидании, что он разделит их радость, добавил: – Мусоровоз привез... Надо же...

Воспитатель и Инспектор уходят в соседнее помещение.

Макс поднимает голову, смотрит им вслед. Удобно расположившись на вершине туфельной горы, Инспектор примеряет туфли-лодочки.

– Не жмет? – подобострастно спрашивает Воспитатель, продолжая рыться в обуви. – А так в самый раз. Только подъем высокий.

Инспектор придирчиво оглядывает свою ногу.

– Ну как? – спрашивает он другого Воспитателя, уже по грудь погрузившегося в кучу.

– Говорят же тебе: в самый раз, – отвечает тот. – Как куколки!

Тина сидит у грязной стены на корточках, ест безразлично какую-то шелуху из ладони, смотрит на катящиеся мимо нее тележки.

Макс подходит, трогает ее за плечо.

Она встает и, не оглядываясь, идет вперед. Макс идет за ней. Они останавливаются, пропуская тележку.

Мимо Макса, совсем близко от него, проплывает уже знакомое лицо бородатого человека. На груди его болтается большой нательный крест.

Снова равномерно хлюпает грязная вода, скрипят канаты. Тина и Макс сидят на полу паррома, прислонившись к перилам.

Мимо проплывают полузатопленные строения. Там горят тускло огни. Дымит костер – мусор сжигают. Двигутся тени. Видны ограждения из колючей проволоки.

– Тут раньше был город? – спрашивает Макс.

– Где? – не сразу отвечает Тина. Макс кивает в сторону развалин, стоящих в воде.

– Наверно, – говорит она, подумав. – Я не помню.

Молчат.

– Скажи, могу я войти к жрецам, – вдруг спрашивает Макс. – Ну, посмотреть, например?

Тина удивленно и даже как-то испуганно смотрит на Макса.

– Ты можешь показать мне, где они?

– Кто?

– Жрецы... Ну, что это? Храм, святилище или как? Как называется?

– Никак, – отвечает она. – Место... возле поселка... за резервацией.

Она махнула рукой куда-то в сторону берега.

– А меня пустят? Смогу я войти туда?

– Нет...

– А что нужно, чтобы пустили?

– Молиться надо...

– Стучать в стену?

– Стучать... и слова повторять.
– Какие?
– «Выпусти меня отсюда» говорить надо. Много раз.
– И все?
– Все... Одна молитва... Других нет.
– А что значит – отсюда? Откуда отсюда? Из резервации?
– Почему? Нет... – она задумалась, пытаясь найти объяснение. – Вообще... отсюда. Ой, что это? – вздрогнула она, заволновалась, подошла к перилам.

Паром движется мимо катера. Проектора на катере светят в воду. Два воспитателя стоят на борту, командуют, приказывают что-то дебилам, находящимся в лодке, рядом с катером. У дебилов в руках багры. Паром подходит ближе, и теперь видна всплывшая фигура утопленника.

Все сидят за столом, на своих местах, как обычно.

Беззвучно работает телевизор. Фрагменты выступлений рок-ансамблей сменяются быстро мелькающей рекламой вещей.

Все поглядывают на экран телевизора, молчат.

– Что это за люди у вас в подвале? – наконец прерывает молчание Ингра, обращаясь к Тине.

– Это наши гости, – не поднимая головы, отвечает Тина чуть слышно.

– Ах, вот как! Гости! – накаляется Ингра. – Из резервации, что ли? Я так понимаю... Гости...

– Так ведь праздник веточек, – заволновалась, задышала вдруг Тина. – Хозяин мне разрешил... Я никогда не просила... Один раз в году только...

– Вообще-то, действительно, я разрешил, – вмешался вдруг Рау. – Ненадолго. По случаю праздника.

– Очень гуманно с твоей стороны. И очень педагогично... Может быть, мне тогда уйти? На время праздника? Чтоб не мешать? – спрашивает Ингра фальшиво ласковым голосом, за которым скрывается еле сдерживаемое бешенство.

– Перестань, прошу тебя. Ничего страшного, – спокойно говорит Рау, пытаясь предотвратить скандал.

– Ну, вот что, – цедит сквозь зубы Ингра, обращаясь к Тине. – Чтоб ни одна обезьяна из твоих так называемых гостей в коридор даже не выходила! Чтоб сидели в подвале – и никуда больше... И чтоб никакого стука не слышала я... И никаких воплей! Понятно тебе?!

– Я поняла... Я обещаю, – бормочет Тина. Встает, не доев. – Приятного аппетита...

Уходит. Тут же встает Дурик.

– Приятного аппетита... Все было очень... э... – он улыбается, не зная, как закончить эту сложную для него фразу, и делая при этом нелепые жесты с потугами на галантность.

– Пошел вон отсюда! – срываясь, кричит вдруг Ингра. И тут же сконфуженно добавляет, обращаясь к Макс: – Извините.

– Похоже, сегодня будет магнитная буря... Выпей таблетку, – невозмутимо замечает Рау.

– Действительно... Голова что-то... – Ингра встает, подходит к шкафчику, ищет таблетки.

– А, кстати, вы знаете, что жрецы белую воду пьют? Во время праздника? – спрашивает Рау, светски меняя тему разговора.

– Молоко, что ли? Первый раз слышу... – удивился Макс.

– Нет, какое там молоко... Что-то вроде наркотика. Но эффект очень странный. Не знаю, как объяснить... Это когда проступают старые надписи на пергаменте... Новые исчезают, а самые древние проступают... Называется полимцест. Короче, нечто подобное... Кричат. Пророчествуют. Бывают фразы на древнегреческом, древнееврейском... Такой вот феномен... Очень забавный.

– Вы это видели?

– Что вы... Инспектор рассказывал. Он ведь живет в резервации. Насмотрелся.

Темнеет. Сквозь открытую балконную дверь видны грязно-серые гребешки волн. Вдали беззвучно вспыхивают молнии, озаряя вечернее небо.

Макс сидит на балконе, у стены, закутавшись в плед. О чем-то думает — напряженно, сосредоточенно, бормочет что-то.

...Не зажигая свет, Макс осторожно, стараясь не шуметь, находит свой плащ, надевает его. Из хозяйской спальни сквозь неплотно прикрытую дверь доносятся ругань и крики. Макс невольно прислушивается одеваясь.

— Я видеть их не могу! Понимаешь ты или нет?! — истерично кричит Ингра. — Пусть... Нет... Пусть возвращаются в резервацию! Там им место! Все! Не хочу слышать...

— У них есть задатки, — доносится голос Рау. — Они разовьются. Они уже научились многому...

— Это не люди! Это уродство, искажение! Это животные! Понимаешь ты?! Животные!

— Да как ты смеешь?! — взрывается вдруг Рау надрывно. — Ведь это же наши дети! Твои! Да! Твои! Они же не виноваты, что родились дебилами! Ведь это наша вина! Наша, моя...

— Ты что орешь? Идиот! Спятил?! — испуганно вскрикивает Ингра и громко захлопывает дверь. — Баба ты! Тряпка! Дерьмо! — чуть слышно доносится голос Ингры из-за закрытых дверей.

В это время Макс уже открывает входную дверь и выходит в темноту ночи, озаренную отблесками огней факелов под окнами дома...

В полутьме осыпаются банки, другой хлам. Макс взбирается на высокий отвал из мусора.

Тихая гладь воды. Туман. Полузатопленный дом. В воде видны остатки ограды из колючей проволоки. Много шкафов и самодельных плотов на берегу. Они, как лодки, вытянуты на берег. Видны тени людей. Двигутся огоньки горящих веточек над водой. Рядом с Максом двое дебилов отталкивают шкаф-лодку от берега, гребут досками, исчезают в тумане.

Макс отталкивает от берега шкаф-лодку, гребет доской, движется вслед за исчезающими огоньками. Поблескивают в полутьме остатки зеркала на разбитой дверце шкафа.

В большом помещении первого этажа, где, вероятно, ранее был какой-то зал, теперь плескалась вода. Как островки среди этой реки, текущей сквозь открытые двери в другие комнаты, возвышались куски сгнившего пола, проросшего тонкой высокой травой. Поломанная мебель, ржавые кровати, не нужные теперь никому газовые плиты, облупленные ванны свидетельствовали о быте людей, живших здесь когда-то. Лампы, оборванные провода, разбитые телевизоры поблескивали в полутьме.

Вначале Макс плыл внутри помещения, минуя комнаты одну за другой, неслышно скользя в открытые двери.

Впереди него и позади мерцали горящие веточки плывущих. Он двигался вслед за ними. Затем неожиданно он выплыл на спокойную воду, покрывавшую большую городскую площадь. Шкаф неспешно приближался к покатым мусорным холмам на другом берегу. Он миновал фигуру из камня, сидящую в центре озера на позеленевшем от плесени толстозадом коне.

Вдали, возвышаясь над мусором, возник огромный дом, напоминающий башню. В окнах то тут, то там мелькал тусклый огонь светильников. Двигались тени людей по широкому выступу, окаймляющему дом-башню. Видны были другие — прильнувшие к стене, стучащие в стену из последних сил.

Он увидел чуть поодаль большие деревянные ворота монастыря, сотни горящих веточек и фигуры людей, склонившихся перед ними и стучавших кулаками по земле, припав к ней лицом.

Макс двигался по выступу вдоль стены, обходя фигуры людей, прижавшихся к стене и стучавших в нее кулаками.

Обогнув башню, он заметил, что здесь почти никого не было. Сквозь окна, неплотно заколоченные истлевшими досками, проникал желтый свет, как от свечей, слышалось пение, голоса, дыхание сотен людей внутри башни. Макс прильнул к доскам, заглянув в широкую щель между ними.

Он увидел часть большого помещения с проросшим высокой травой полом. Трава достигала окон. Длинной очередью, напирая друг на друга, стояли люди с зажженными веточками в руках. Многие из стоящих рыдали в голос. В центре виднелось большое прямоугольное возвышение. К нему вели ступени. На площадке возвышения сидел маленький человек в черном одеянии, обвешанный цепями. Он вскидывал руки, как одержимый, и выкрикивал на непонятном языке какие-то фразы, затем замолкал, стибался, раскачиваясь, и снова выкрикивал. Толпа отвечала стенаниями на каждую фразу. Гулко отзывался колокол-рельс, висящий над возвышением, — другой маленький человек, сидящий за спиной провидца, равномерно бил в рельс после каждой фразы.

Однако более всего поразило Макса другое. На краю возвышения висел мужской черный костюм. Под ним виднелась рубашка, в ногах ботинки. Все это вместе сохраняло форму человека. Нескончаемой очередью тянулась вдоль возвышения толпа. Каждый хотел дотронуться до костюма, дотянуться, словно до некой святыни.

Макс двинулся дальше, вдоль стены, обходя фигуру человека, припавшего к стене и стучащего по ней из последних сил. Он посмотрел на лицо человека, и оно показалось ему знакомым. Это был Дурик. Макс подошел к другому окну. Сотни горящих веточек мерцали в полутьме. На стене висели большие пакеты-репродукции, как у Тины. Люди по очереди, подталкивая друг друга, вдавливая впереди стоящих, подходили к пакетам-картинкам, покрывали их поцелуями. Бесконечное бормотание, завывания, пение слышалось отовсюду, сливаясь в малопонятный многообразный гул. Прямо возле окна, спиной к Макс, сидел человек в черном одеянии на высоком сидении и читал. Перед ним стояла подставка-пюпитр, окаймленная горящими свечками. По бокам от него стояли еще два пюпитра и двое других таких же чтецов повторяли его слова вслед за ним. Читающий чуть повернул голову, и Макс увидел, что это Бородатый из резервации.

— «Посмотри на себя, человек, и ужаснись, — читал жрец. — Ложь — вот имя твое, и лицемерие — вот поступки твои. Осквернено будет все, к чему ты прикоснешься: к живому и мертвому, к деревьям и камням, к воде, воздуху, к животным и рыбам. Все будет отравлено. Все будет искажено. Ибо похоть твоя к удовольствиям пожрет самого тебя. Ты превратил землю в свалку нечистот своей похоти и покрыл ее горами останков своих услаждений. И, задыхаясь под грузом своей ненасытности, все равно вопиял: мало мне...»

Макс отодвинул доски окна, чтобы лучше видеть. Они заскрипели. Остатки стекла звонко сорвались вниз, на каменный подоконник.

Чтец, сидевший у окна, неожиданно оглянулся и посмотрел прямо на Макса в упор, затем закричал что-то, высоко воздев руки. Другие чтецы тоже закричали, приблизились к окну...

...Макс двигался вдоль стены монастыря, прижимаясь всем телом к ее холодной поверхности, ощупью пробуя ее, словно слепой. Он чувствовал, что врата монастыря где-то рядом, он слышал поскрипывание петель и стон дерева под напором холодного ветра. И страх — не дойти, не успеть — дурнотой подступал к горлу. Он торопился, но ноги не слушались его, заплетались, руки отчаянно скользили по гладкой стене, тщетно пытаясь нащупать долгожданное дерево ворот. Казалось, стене не будет конца никогда. Такой знакомый ему гул пустоты проникал отовсюду.

...Рядом с ним чернели фигуры людей, стучавших в стену монастыря. Никто не обращал на него внимания.

Большая багровая луна светит над морем, багрово-красными кажутся волны, накатывающиеся в темноте на берег. У воды, на холме из мусора сидит Макс, смотрит на волны.

Он чуть поворачивает голову, прислушивается к чему-то.

– Бред, бред какой-то... Болезнь, – бормочет он.

Видна грязь на его плаще, следы падений.

...Открывается наружная дверь. Макс, стараясь не шуметь, закрывает ее за собой. Снимает плащ. Замечает на нем грязь и царапины. Стирает платком грязь. Неожиданно зажигается свет.

Ингра стоит в халате, смотрит на него очень странно, видно, что она удивлена.

– Вот, – говорит Макс растерянно, – плащ испачкал...

– Оставьте, – говорит Ингра. – Служанка утром почистит.

– Да? Спасибо.

Макс не знает, куда деть грязный платок, оглядывается, затем кладет его на полочку возле вешалки. Ингра гасит свет, не уходит, ждет, когда Макс подойдет к ней.

– Вы что, с ума сошли? – шепчет она, оглядываясь на лестницу, ведущую к подвалу. – Зачем вы туда ходили? Не понимаете, чем это может для вас кончиться?

– Чем? – безразлично спрашивает Макс. – Чем вообще все кончается?

– Ну-ну... – буркнула она, не находя, что ответить. Повернулась, молча ушла в темноту.

Утро. Сильный ветер несет пыль, обрывки бумаг со свалки. Рау меняет фильтры в ящиках для замеров. Ингра помогает ему.

Все сидят за столом – как обычно. Макс неестественно оживлен, почти весел. Ест с аппетитом.

– Нет, действительно, наваждение какое-то, – говорит Макс. – У меня отпуск всего четыре недели. Одна, считайте, прошла. И где? Нет... – он неожиданно смеется. – Это же стыдно сказать... На свалке! Вы поймите меня правильно, у вас очень мило... Я в другом смысле. То, что вокруг! Это же... – Он опять смеется. – Это уму не постижимо...

Какая-то торопливость чувствуется в нем, неестественность, почти истеричность.

Тина с ужасом смотрит на него, такое ощущение, что с ней вот-вот приключится истерика.

Рау с пониманием кивает.

Ингра с интересом и недоверием смотрит на Макса, ее смущает излишняя веселость постояльца.

– Вы абсолютно правы, – соглашается Рау. – Конечно, нам будет грустно, что вы уедете... Но, с другой стороны, я понимаю... Я, честно говоря, даже был удивлен вначале... Нормальный, здоровый мужчина, в расцвете лет, как говорится, без комплексов – и вдруг такие фантазии: музей и все прочее, какая-то мистика... Рисковать жизнью – ради экскурсии, в сущности...

– Вот именно, ради экскурсии, – подхватывает Макс. – Просто смешно. Потратить отпуск и погулять на свалке, – снова смеется Макс. – Кому сказать – не поверят... Я представляю лица моих друзей в городе...

Тина вдруг вскакивает и, захлебываясь рыданиями, убегает из комнаты.

– Это еще что такое... – строго, но незлобно говорит ей вслед Ингра и добавляет игриво, но желчно: – По-моему, кое-кто к вам явно равнодушен. Я бы сказала, с дебильной непосредственностью.

– Приятного аппетита, – растерянно и, как всегда, некстати, говорит Дурик, направляясь к дверям.

– Приятного, да... – кивает Ингра с деланной серьезностью. – Очень приятного...

Когда Дурик скрывается за дверь, она прыскает со смеху.

Рау и Макс тоже смеются.

– Плоды воспитания, – сквозь смех говорит Рау. – Что вы хотите...

Макс идет быстро, преодолевая мусорные холмы. Обходя очередной холм, он на минуту останавливается, выбирая дорогу получше, и неожиданно слышит чье-то срывающееся дыхание. Оглядывается.

Спотыкаясь, сбиваясь на неровной дороге, его догоняет Тина. Она подбегает, останавливается, с трудом переводя дыхание.

– Вы уезжаете? Да? Уезжаете? – плача, выдыхает она и вдруг падает перед ним на колени, наземь, ползет к его ботинкам, будто хочет поцеловать их, бьет по земле кулаками, словно в молитве.

– Нельзя это! Нельзя!!! Умоляю вас! Ну, пожалуйста! Ведь кроме вас, никого нет! Никого! Я сказала уже! Сказала, что вы пойдете... в музей! Все знают... Все надеются... Нельзя так... Как можно...

– Кто знает? Кому ты сказала?

– Жрецам... Жрецы знают...

– Какого черта?! Кто просил тебя это делать...

– Я виновата... Я... Бейте меня! Ну, ударьте же... Бейте, но только не уходите! Ну нет же сил никаких жить!.. Ведь кроме вас никого нет!!! Нету...

– Что ты несешь? При чем здесь я? Встань! О господи, да что же это такое, – Макс лихорадочно озирается вокруг. – Ну, встань, я прошу тебя!

– А вы останетесь? – в нелепой надежде Тина хватает край его плаща, торопливо покрывает его поцелуями.

– Нет! Я уезжаю! – Макс брезгливо одергивает плащ, резко отступает назад. – У-ез-жаю, – раздельно произносит он. – Мне надо ехать. Нет времени, понимаешь? У меня дела, в городе...

Тина начинает выть, как по мертвому, высоко запрокидывая голову, раскачиваясь, падая в поклонах на землю и продолжая стучать по земле кулаками со всей силы.

– А, черт! – Макс медленно отступает за холм, спотыкаясь о мелкий хлам, затем резко поворачивается и идет прочь.

Тина продолжает биться о землю.

Через всю комнату висят веревки с бельем. Толстая женщина развешивает белье – прищепки во рту, в руках таз. Двое детей – мальчик с большой головой и другой, постарше, – возятся возле буфета, открывают ящики, копаются в беспорядочно лежащих там предметах. На буфете сидит кошка. Буфет старый, наверху лежат кружевные дорожки в стиле 1930–1940-х годов.

За буфетом стоит телевизор. Возле него, уткнувшись в экран, сидит на табуретке толстый, с широким стриженным затылком человек. Он в майке, поверху – подтяжки, брюки военизированного вида, похожи на галифе,

узкое оконце за телевизором. В окне горит огонь.

– Ну а что вам мусоровоз? – Хозяин накрывает на стол, наливает сок Макс, кладет салфетки. – Ну доедете до конца свалки, а дальше? Катер же все равно не ходит. Все катера ушли в док.

– Как ушли? Почему? – спрашивает Макс.

– Так ведь отлив... Сегодня-завтра... Это на семь дней, не меньше... Проторчите неделю на краю свалки. Там и жить-то негде... Никакого жилья нет. А здесь у нас пансион, очень недорого... Если на всю неделю – то скидка... Хотите посмотреть комнату?

– Потом, – говорит Макс, размышляя о чем-то. – Какая теперь разница...

Хозяин уходит. Макс принимается за еду.

Старик с книгой подходит к нему, садится напротив, смотрит на Макса, кивает, улыбается, словно соглашается с чем-то.

– Читаю, читаю, – вздыхает Старик. – Ничего не понятно... Да... Всю жизнь читаю...

Макс молчит, ест.

– Долго ты будешь морочить всем голову? – незлобиво кричит Старику на ухо женщина, проходя мимо него. В руках у нее дымящийся таз с бельем.

– А... – отмахивается от нее Старик. – Шикалка... тоже мне... – Старик вертит в руках книгу, кладет ее на стол, пододвигает Макс. – Погадай мне. Только глаза закрой...

Макс, чуть улыбнувшись, берет книгу, закрывает глаза, открывает ее наугад, показывает Старику пальцем строку.

Тот поднимает с груди очки, висящие на нитке, внимательно вглядывается в раскрытую страницу, читает:

– «Любовь познали мы в том, что он положил за нас душу свою; и мы должны полагать души свои за братьев», – произносит Старик и недоуменно поднимает глаза на Макса: – Ты читал уже это... Я помню.

– Когда? – удивляется Макс, продолжая есть, затем, понимая, что Старик не слышит, качает отрицательно головой.

– Странно... – вздыхает Старик и снова придвигает книгу. – Ну, еще погадай... Другое что-нибудь... А то – непонятно все...

Макс снова раскрывает книгу.

– «Знаю, господи, – читает Старик, – что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим...»

Старик опустил книгу, задумался. Макс тоже задумался, перестал есть.

– Как это понимать? А? – вздохнул Старик. – Совсем не понятно... Ты можешь мне объяснить?

Макс медленно качает головой. Куда-то далеко, мимо Старика, устремлены его глаза. В его зрачках отражается пламя, горящее в окнах.

...Огонь полыхает в узких продолговатых окнах. Комната небольшая, убогая. Стены с каким-то ржавым оттенком, кровать, стол, стул, шкаф. Все словно бы поражено какой-то рыжей ржавчиной. Голая лампа горит рыжим светом, свисая низко с потолка. У стены стоит чемодан Макса.

Макс сидит на стуле неподвижно – спина неестественно ровная, почти прямая, руки лежат на коленях, взгляд неживой, устремленный прямо перед собой.

...Тумбочка. Дешевое зеркало. В нем отражается пламя от окон. Стена с рыжими подтеками. Рука человека, скользящая по стене. Его лицо. Теперь видно, что это Макс...

...Он двигался вдоль стены, прижимаясь всем телом к ее гладкой поверхности, ощупью пробуя ее, словно идущий по краю скалы. Он чувствовал пустоту где-то рядом, он слышал ее дыхание. И страх высоты дурнотой подступал к горлу.

Пятясь, он начал двигаться от края притягивающей его пропасти, но ноги не слушались его, заплетались, руки отчаянно скользили по гладкой стене, тщетно пытаясь ухватиться за что-нибудь. И тогда от собственного бессилия, от ужаса высоты, истязающего его сознание, он неожиданно для себя заплакал, прижавшись к холодной стене.

Открывает дверь комнаты Хозяйка с подносом, ставит его на столик возле двери.

– Ваш кофе, – говорит она машинально. Подходит ближе. – Что с вами? Вам плохо?..

Макс сидит на полу. Слезы текут по его щекам, рукой он держится за горло, будто его душат спазмы.

– Я... я... – вырывается у него.

– Что? Что вам дать? Что, сердце? – испуганно кричит женщина, как глухому. – Не слышу!

– Тоска... – сквозь рыдания говорит он. – Тоска такая... не могу... Если все предсказано – значит, это тюрьма... Понимаете? Тюрьма! Ничего нет... Марионетки... Все predetermined...

Хозяйка торопливо спускается по лестнице. Открывает двери в прихожей, заглядывает в комнаты – ищет кого-то. При этом она откидывает в стороны развешанное белье.

– О, о... разбежалась... истеричка, – замечает ей вслед толстая женщина.

Хозяин и полуодетый человек – у телевизора, «болеют». Смотрят футбольный матч.

– Он сумасшедший... говорю тебе, – истерично шепчет женщина, оглядываясь, словно постоялец может войти. – Он из дебилов!

Она теребит Хозяина за рукав, стараясь привлечь его внимание, целиком поглощенное происходящим на экране телевизора.

– Ну что? Ну что ты пристала ко мне? – огрызается он.

– Как что? Сообщить надо, в инспекцию. Он дебил. Это точно. Беглый! Я же вижу... Ты что, не слушаешь радио? Они убегают из резервации, достают документы... как бы нормальные... Живут в городах, а на самом деле – дебилы...

– Перестань! Ну что ты несешь? Стыдно слушать, – раздражается Хозяин.

– Что перестань? Сообщить надо?! Вот что...

– Хорошо! – прикрикивает на нее Хозяин. – Сообщу. Все! Ты только не лезь, куда не спрашивают! – И, повернувшись снова к телевизору, добавляет беззлобно: – Тоже мне, психиатр выискался...

Старая, захлавленная ванная комната. Ржавый умывальник, изъеденная амальгама зеркала. Ржавая детская ванночка висит на стене. Тусклая лампа. В маленьком оконце сбоку виден огонь.

Макс стоит над умывальником, опустив голову под струю воды. Поднимает голову, распрямляется тяжело. Вода стекает с волос на одежду. Стоит, приходя в себя, тяжело дышит, как после бега.

...Макс идет вдоль полутемного, захлавленного коридора. Щелкает выключателями – они не работают. Открывает дверь, заглядывает...

Небольшая комната. Сквозь разбитые стекла окон до пола спускаются горы банок, другого хлама. За окнами неба не видно – мусор навален выше окон. В простенке висит на стене пакет-репродукция, под ним горит лампадка. Возле стены на коленях стоит Старик и бормочет что-то, раскачиваясь.

Макс входит в комнату, смотрит на Старика.

– Огонь низведу на землю, сказал ты... Что это значит? – шепчет Старик. – Ты предсказал нам конец мира, но не сказал, почему... Разве у нас есть выбор? Ведь сказано: знаю, господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим...

Он замолк, задумался. Долго смотрел перед собой в пол, пока не увидел тень Макса рядом с собой. Старик повернул голову, посмотрел на Макса, словно пытаясь вспомнить, кто это.

Вечер. Черные волны набегают на берег, ворочают мусор у кромки прибой. Макс сидит на берегу, смотрит на волны. Методично бросает камешки в воду.

В темноте ярко пылают факелы под окнами метеостанции. Доносится музыка, голоса.

Макс подходит к дверям, звонит. Открывается дверь. На пороге стоит Ингра. Она нарядно одета, в руке бокал. Увидев Макса, начинает смеяться.

– Нет, это фантастика! Я только что говорила...

Макс входит в дом.

Макс снимает плащ, поворачивается к Ингре.

– Я знала, что вы вернетесь, – интимно произносит она, приближаясь к нему. – Я очень рада... Правда, – пьяно качнувшись, она целует его.

– Идемте, ну, что вы стоите? У нас гости. Сегодня мы будем пить! Сегодня все пьют! Ну?!

На полную мощность гремит телевизор: программа «ретро» – рок-н-ролл.

Гостей четверо: Инспектор и Воспитатель со своими женами. Все сильно пьяны. Танцуют. Говорят одновременно, друг друга перебивают, никто никого не слышит из-за гремящей музыки. Мигает светоустановка. Окна ярко пылают пламенем.

Жена Инспектора чокается с Максом.

– Шикарный ансамбль, настоящее «ретро», вам нравится? – пристаёт она к Максиму, пританцовывая. – Называется «Безумные старухи», не слышали? Что? – она смеется – ...Вообще я заметила, во время религиозных праздников передают шикарные программы, причем всю ночь, до утра... Вы танцуете? Что?

Ингра забирает Макса, отводит в сторону.

На телеэкране – джаз-ансамбль «Безумные старухи» бацает рок-н-ролл «Аллилуйя».

Инспектор заталкивает Рау в библиотеку, плотно закрывает за собой дверь.

– Не зажигайте свет, – заговорщицки шепчет Инспектор. – Как бы слушаем музыку. Понимаете?

Инспектор подмигивает Рау, включает наугад маленький телевизор.

– Как бы балуемся, – хихикает Инспектор и подмигивает: – Вроде как голубые...

– Кто голубые? Что вы болтаете? – ошеломленно шепчет в ответ Рау.

– Ну ладно. Заладил! – грубо вдруг обрывает Инспектор. – Конспирация. Понимать надо, не новичок. Где бумага?

– В столе... Но послушайте, просто же неудобно... И вообще, – лепечет Рау.

– Тихо! – перебивает Инспектор, прислушивается. – Мне документ нужен на вашего постояльца. Пишите...

– Да я ничего не знаю о нем...

– Значит, так, – продолжает Инспектор. – Пишите. Информатору стало известно... или нет. Лучше так. В разговоре со мной указанный человек сказал следующее... Что он сказал? Ну и так далее... Число. Подпись. В смысле – псевдоним... Как обычно...

– Да что за спешка!.. Завтра встретимся, напишу, – мнется Рау.

Ему явно не хочется писать донос. Однако он садится за стол, берет ручку, но тут же откладывает ее.

– Ей-богу, смешно... – играя под «дурачка», восклицает Рау. – Он просто турист, говорю же вам... Ничего особенного...

– Вы это бросьте! Что я, не знаю, что ли? – наливается злобой Инспектор. – Все туристы в Швейцарию едут, в Альпы... Что это за туризм такой – на свалку ехать? А? Где это видано? Турист, тоже мне... А может, он как бы верующий? Не говорил?

– Да какой он вам верующий... Нормальный человек... Спортсмен, кстати... Давно занимается туризмом...

– Туризмом... – передразнивает Инспектор. – Наивные разговоры! Не понимаете, это же зараза такая – религия! Вроде, нормальный, и все, как у всех, а вдруг – как болезнь, это как оборотень... Страшное дело... Был человек нормальный и вдруг на твоих глазах превращается в дебила...

– При чем тут дебилы? Он абсолютно психически здоров... Уверю вас...

– Как при чем? Есть дебилы, которые от природы, а есть другие, которые были нормальными и потом стали дебилами, на почве религии... У меня в резервации много таких. Насмотрелся. Можете мне поверить...

– Так что же, – придвигая бумагу, но все еще колеблясь, говорит Рау, – у него теперь неприятности будут?

– Зачем? – ласково возражает Инспектор. – Просто понаблюдают за ним... Негласно, так сказать... в профилактических целях... Профилактика как бы...

Будет здоров – прекрасно. А если нет? А если он заболеет, а если дебилем станет? Это же очень опасно для общества. Это – как эпидемия... Пишите, пишите... Не отвлекайтесь...

В гостиной продолжают танцы. Воспитатель показывает чудеса фокусничества: жонглирует предметами во время танца, удерживает на лбу бокал с вином, затем, не дотрагиваясь руками, выпивает его.

Визжат от восторга дамы. Инспектор свистит пронзительно.

Жена Инспектора замечает Рау, подходит к нему.

– Куда вы пропали? – игриво говорит она, чокаясь и при этом подмигивая. – Что за наклонности? Я хочу с вами потанцевать...

– Спать захотелось, – доверительно сообщает Рау, – поспал немного...

– А вы знаете, есть такая теория, что человек всю жизнь спит, да, просто спит, и все, – поверяет как большую тайну жена Инспектора. – Так называемое бодрствование – тот же сон, только менее интенсивный.

– Давайте танцевать, – жена Воспитателя уводит Рау в гущу танцующих.

На экране телевизора бесчинствуют «Безумные старухи».

...Ингра закрывает за собой дверь. Стоит, хихикает. У нее в руках бутылка вина, два бокала.

– У-у, тьма вавилонская, – шепчет она. В комнате полутьма, свет выключен, только багровая луна светит сквозь балконную дверь.

– Все напились, как свиньи... Последняя бутылка осталась, – говорит она, подходя к кушетке, на которой лежит, не раздеваясь, Макс.

– Уберегла... Только для нас... Выпьем? – Она ставит бутылку и бокалы на столик, рядом с кушеткой. Сама наливает. Стоит. Ждет.

– Я не хочу, спасибо, – негромко говорит Макс, продолжая лежать.

– Да? Вот как? – Ингра вызывающе смотрит на Макса, стоит, чуть покачиваясь. – А что это мы такие скромненькие, такие стеснительные?

– Голова что-то болит. Извините, что я лежу, – спокойно отвечает Макс.

– Головка бо-бо, – комментирует Ингра. – Какой бука... А я специально чулочки надела, новые... Покрасоваться... Вот... – Она демонстративно задирает юбку, чуть поворачиваясь туда-сюда. – Ну как? Нравится?

Макс молчит.

– Если не нравится, могу снять. Все, что не нравится, – добавляет она, жеманно хихикая, звонко щелкнув резинкой.

Макс продолжает молчать. И это начинает раздражать Ингру.

– Какой святоша, однако... – замечает она ехидно, берет бокал, садится на кушетку. – Мог бы подвинуться, между прочим...

– Извините, – Макс вжимается в стену.

– А я знаю, кто ты... – вдруг неприязненно говорит Ингра, наклоня к нему лицо. – Знаю... Женщины все чувствуют. Никакой ты не турист. Ты – Моисей... Моисей от дебилов! – вдруг быстро шепчет она и, отшатнувшись, раздражается громким смехом. – От дебилов! А что?.. Я это вчера поняла, когда ты под утро приперся. Хорош ты был вчера...

– Бросьте ерничать, – незлобиво говорит Макс. – Какой еще Моисей...

– Моисей, Моисей, – настаивает она дразнясь. – Тот самый, библейский пророк... Только я тебе вот что скажу, – добавляет она серьезно. – Не делай этого. Не надо.

– Что не надо?

– Все... Все не надо. Не имеет смысла. Не ты первый, не ты последний... Выпьем?

Она подняла бокал и большими глотками осушила его.

– Ну, что ты не пьешь? Что с тобой? – Она нежно коснулась его лица.

– Тебе страшно? Это бывает. Пройдет... Все проходит...

Она поцеловала его. Внимательно, изучающе посмотрела ему в глаза, отвернулась.

— Эх ты... святоша, — вздохнула она горестно. — Ни черта ты не понимаешь... Ни черта! Ни черта! — вдруг зарыдала она, застонала. — Жизнь кончена! А любви нет! Не было... Любви хочется! Понимаешь ты?! Любви! Что ты знаешь... Ты...

Она схватила его за грудки, подняла, притянула к себе.

— Ну, поцелуй же меня... Ну что же ты... — Она начала истерично покрывать его лицо поцелуями, притягивая к себе. Он неловко обнял ее, и оба упали на пол. Ее рука цепко сжимает его волосы, пальцы чуть разжимаются, словно во сне, замедленно. Ярко блестит браслет на ее руке. Свет становится все ярче и ярче...

Его взгляд снова летел над водой. Волны. Бесконечность. Пустыня. Беззвучие.

...Горит газовая плита. Над ней висят ноги. Рядом входная дверь. Она открыта на лестничную площадку. Входят трое мужчин с носилками. Что-то кричат, жестикулируют. Возле плиты — толстая женщина. Она машет на вошедших полотенцем. Кричит беззвучно...

...Треснув, осыпается в комнату оконное стекло. Видны локти, спины — давка. Сотни людей движутся куда-то, напираят друг на друга, выдавливая локтями стекла первого этажа.

...Макс мучительно ползет по усыпанному стеклом полу комнаты, судорожно цепляясь и волоча бессильные ноги...

...Семья эмигрантов сидит за столом, обедает.

Макс ползет мимо них. Хозяйка кричит на него, но звука ее голоса он не слышит. Беззвучие.

Макс видит впереди рельсы. Они идут от дверей через всю комнату.

У телевизора, спиной, сидит полуодетый толстый человек. Его голова, затылок странно искажены, словно разрублены. Работает телевизор перед ним. Рядом стоит Старик в белье, кивает, кивает...

Мальчик с большой головой и другой, постарше, берут из буфета какой-то предмет, подкладывают на рельсы.

Макс пытается отползти от рельс, отталкивается, понимает с ужасом, что ползет между рельсами.

Дети что-то кричат ему, показывая на дверь.

Взрослые за столом тоже кричат ему, предупреждают.

Макс отползает, отталкивается — все бесполезно.

Рядом с рельсами стоит кровать.

Макс ползет мимо нее.

Толстая женщина, голая, сидит к нему спиной на кровати, расчесывает волосы. Она оглядывается, смеется. Встает, подходит к буфету.

Дверь открывается. Грязный разбитый вагон въезжает в комнату.

Сидящие за столом никак не реагируют на это. Толстая женщина развешивает белье, во рту — прищепки.

...Буфер вагона уже возле Макса, медленно приближается.

Макс судорожно отталкивается, отползает, но все время остается между рельсами...

... — А? Что? — Макс резко поворачивает голову, просыпаясь.

Он слышит непрекращающийся, истеричный стук в дверь. Встает, на ходу застегивая рубашку, идет к двери.

— Проснитесь! — доносится сквозь стук срывающийся голос Тины.

Макс резко открывает дверь.

— Свершилось! — кричит ему в лицо Тина, рыдая, царапая себе лицо. — Свершилось! А-а!..

Макс закрывает дверь, бросается к балкону.

Багровая луна освещает глубокие овраги, промоины, какие-то предметы, лежащие на дне, в небольших лужах. Моря нет. Сильный ветер несет пыль над поверхностью обнажившегося дна. Где-то отдаленно звенит не переставая колокол, гудит толпа. Макс стоит, заворочено глядя на эту ирреальную картину.

– Который час? – доносится голос Ингры. – Чего все орут?

– Что? – Макс оборачивается, смотрит на Ингру и вдруг стремительно бросается к чемодану, начинает собираться.

Ингра сидит голая на кушетке, собирает разбросанное белье, одевается.

– У тебя есть таблетки от головной боли? – стонет она. – Голова болит, сил никаких нет!

Макс молча собирается, не отвечает.

Расталкивая истерично орущих женщин, Инспектор и Рау бегут по узкой лестнице наверх, на чердак. Здесь небольшое окно.

– А, черт, – шипит Инспектор, вглядываясь в происходящее внизу, возле дома.

Там напирает, беснуется огромная толпа дебилов из резервации. Видны сотни горящих веточек. Далеко, на свалке, тоже мелькают огни, постепенно приближаясь к дому. Толпа угрожающе растет.

– Надо выяснить, чего они хотят? – шепчет Рау. – Почему они здесь?

Инспектор достает пистолет.

– Не сходите с ума! Вы что?! – хватается его за руку Рау. – Ну, убьете вы десять, двадцать, а их – тысячи! Они...

– Заткнись ты или нет! – рывкает Инспектор, вырывая руку.

Ударом рукоятки он разбивает стекло, сложив ладони рупором, кричит привычным для него «мегафонным» голосом:

– Отойдите от дома! Всем отойти от дома! Буду стрелять!..

Подбегает, запыхавшись, Воспитатель, на ходу отмахиваясь от жены Инспектора.

– Я дозвонился, – выдыхает он. – В резервации то же самое... Это бунт. Они вызывают войска...

– Отойдите от дома! – продолжает кричать Инспектор, мельком взглянув на Воспитателя. – Всем отойти от дома!

Вдруг толпа внизу сдвинулась, закричала, завывала, приближаясь к дому. Многие упали на колени.

– Что это? – прошептал в ужасе Рау, прильнув к окну. И вдруг закричал не своим голосом: – Он открыл дверь! Входную дверь!

Все трое бросились вниз по лестнице.

Макс стоял на пороге дома. Он был уже одет по-походному: термосы за спиной, сбоку сумка с фотоаппаратом.

Перед ним, медленно приближаясь к нему, дышала толпа, мелькая сотнями горящих веточек. Многие ползли на коленях, рыдая, раскачиваясь, царапая себе лицо.

Макс стоял, словно окаменев, не в силах сдвинуться с места. Дверь за его спиной была раскрыта настежь в прихожую.

Макс видел, как постепенно сужается кольцо людей вокруг него, они неумолимо приближались, но он стоял, как во сне, не в силах пошевелиться, только чуть отступая назад. Вот совсем близко от себя он увидел рыдающие лица. Казалось, они оплакивали его. Неожиданно толпа перед ним расступилась, и он увидел маленького человека, похожего на ребенка. В черном одеянии до пят, обвешанного цепями, среди которых выделялся большой железный крест. В руках у него был черный, с золотой инкрустацией кувшин с какой-то белой жидкостью, плескавшей о края широкой горловины. Макс узнал человечка. Это был жрец-прорицатель. Он подошел к Макс, протянул кувшин и сурово сказал:

– Пей!

Толпа притихла.

– Пей! – повторил он своим надрывным голосом, видя нерешительность Макса.

– Нет, – прошептал Макс и отступил назад, затем выкрикнул: – Нельзя это пить! Нельзя! Не буду! Нет...

Кольцо людей сжалось вокруг Макса. Его схватили, повалили на землю, придавили.

– Нет! Нельзя это пить! – хрипел он, вырываясь, но все было бесполезно.

Огромный бритоголовый человек, придавив его коленом к земле, влил ему в рот содержимое кувшина. Белая жидкость заливала ему лицо, глаза. Бритоголовый отпустил Макса, отскочил в сторону. Все расступились.

Что-то странное происходило с Максом. словно в приступе удушья, он царапал свое горло, судороги сотрясали его тело. Он бился на земле, не в силах встать. Неожиданно он захрипел предсмертно, откинулся на землю. Затих. Зрачки его полуоткрытых глаз закатились.

– Свершилось! – воскликнул жрец. – Свершилось!

Воплями и стенаниями отозвалась толпа, двинувшись к лежащему.

В голос рыдала Тина, сжимаемая толпой.

Макс лежал на большом деревянном щите, похожем на старую оторванную дверь. Десятки рук подняли щит над толпой и понесли его

Вдоль строений, образуя узкий проход, стояли сотни людей с горящими веточками в руках.

Щит с телом Макса лежал теперь на тележке с высокими колесами, и несколько десятков рук стремительно катили ее.

Дорога была неровной, тележка вздрагивала на ухабах. Тело Макса бессильно тряслось. Станным фанатизмом и каким-то отчаянием были полны лица людей, толкавших тележку.

Рыдали, как над мертвым, женщины в толпе, мимо которой проезжала тележка.

Впереди возникла высокая черная сплошная стена без окон. Светились горящими веточками большие двери-ворота входа.

Над толпой плыл, передаваемый с рук на руки, щит с телом Макса. Его голова чуть покачивалась над морем рук, огоньков, воплей.

Щит с телом Макса проплыл в двери-ворота, передаваемый куда-то дальше, в глубь помещения. Ворота начали закрываться.

Охнула, завывала толпа, сотрясая ударами рук закрывшиеся ворота, стену вокруг.

Мелькание сотен горящих веточек слилось в огненный круговорот. Огонь слился в одно полыхающее размытое пятно – и оказался тонким фитильком горячей свечки.

Тонкий фитилек горячей свечки находился рядом с его лицом, за ним угадывалось движение теней, но людей не было видно. Он лежал на возвышении, и чьи-то руки, окуная тряпку в холодную воду, скользили вдоль его обнаженного тела.

Было очень тихо. Только доносились шептание сотен людей внутри помещения и удары тысяч рук в стены снаружи.

Он увидел вокруг себя в полутьме сотни лиц, стоявших, напивавших друг на друга, людей, огоньки веточек и свечек в их руках. Неподалеку от себя он увидел лицо Дурика, проталкивающегося в толпе.

Он увидел вдали высокие окна с решетками, но без стекол. Там дышала огромная толпа, мерцали огни. Все лезли через головы друг друга, пытаясь увидеть хоть краем глаза происходящее внутри.

Он увидел жрецов, стоящих над ним у своих подставок-пюпитров, и услышал их голоса:

– «Имя тебе – Предсказанный, и забудь все прошлые имена свои, ибо для мира ты уже умер, – читал первый жрец монотонно. – Так было сказано ему, и он слышал эти слова, хотя и был уже умерший. Но покойником не был он. Ибо сказано: ототру накипь времени с чела его и открою помышления сердца его сокровенные. И будет он как бы умерший, пока не протрубят трубы, призвавшие его...»

Макс вдруг перестал слышать жреца и увидел толпу у стен монастыря и среди многих – Тину. Ее сдавливало напором людей, вжимало в спины впереди стоящих, она задыхалась, выкрикивая что-то. Кто-то, затапываемый, кричал под ногами толпы...

Снова донесся до его слуха голос жреца, и снова увидел он происходящее в помещении – как одевают его бессильное тело, как украшают возвышение горящими веточками.

Странное одеяние оказалось на нем: не по размеру узкий, ветхий, но, видимо, тщательно вычищенный и отутюженный черный костюм, белая рубашка, застегнутая на пуговицу у горла, большие ботинки без шнурков.

— «И было пророчество о том, и да свершится сказанное в пророчестве, — продолжал читать жрец, и остальные жрецы повторяли за ним слова чтения. — Ибо сказано: обнажится дно моря на семь дней и откроет оно тайны прошлого. И откроется путь от сего времени к началу мира... И откроется город древний и великие тайны его. И откроется холм возле города, на котором стоит святыня непреходящая. И взошедший на холм будет услышан. Имя же тому, кто взойдет — Предсказанный».

Вздых пронесся в толпе и затих.

— «И еще было пророчество о том, — начал читать второй жрец, — и да свершится сказанное в пророчестве. Ибо сказано: и будет вам дан в последние дни человек, просящий за вас. И будет вам послан проситель последний за души ваши. И будет просящий за вас просить перед престолом истины на холме. И будет просьба его не по воле его, а по мольбам и стенаниям вашим. И будет он — как не знающий тайны своей и не ведающий пути своего. И будет он слеп и глух, как все живущие в последние дни, но будет дано ему чувствовать крылья ангела своего, ибо имя ангела его есть скорбь. И да свершится пророчество, ибо сказано: в последние дни придет проситель за вас и будет дана ему великая скорбь от рождения и кроме великой скорби не дано ничего: ни дар пророчества, ни целение наложением рук, ни ясновидение, ни говорение языками ангельскими. Ничего. Но да будет услышан он по молитвам отчаявшихся. Ибо просящий за вас — есть проситель последний и других уже не дано. Аминь...»

— Господи, выпусти нас отсюда! — воскликнули жрецы, высоко воздев руки.

И тут же загудели волынки-трубы в глубине помещения, завывла, застонала толпа внутри, как эхом отозвалась толпа снаружи.

Гулко начал стучать рельс-колокол.

Мимо возвышения, где недвижно лежал Макс, двинулись с двух сторон в бесконечной череде прощания сотни людей. Задыхаясь от давки, каждый хотел успеть дотронуться до одежды или руки Предсказанного, каждый хотел успеть прошептать молитву-прошение: «Выпусти нас отсюда».

— Выпусти, выпусти меня... И меня выпусти, — доносились отовсюду шепот, крик, рыдания.

Лицо Макса чуть вздрагивало от прикосновений рук, но было неподвижно как каменное. Глаза были почти открыты, но зрачков не было видно — только белки глаз. И вдруг из белеющих глазниц по окаменевшим щекам потекли слезы.

— Встань и иди! — раздался над ним вопль жреца.

Вскинув руки, царапая свое лицо, содрогаясь и раскачиваясь, жрец трижды повторил свое восклицание.

С воплями ужаса откатилась толпа от ворот. Впереди шли жрецы, за ними — Предсказанный. Он шел медленно, выставив вперед руки, как это делают слепые. Зрачки его глаз закатились, и ужасом непостижимой тайны белели на потемневшем лице белки глаз. По бокам от него тоже шли жрецы, чуть поддерживая его за локти, словно учившегося ходить.

С криками расступилась толпа, освобождая дорогу, ведущую к морю.

Вода еще оставалась на бесконечной равнине дна, чуть достигая колен Макса. Толпа стояла по краю мелководья. Ровной чертой мерцали сотни огоньков.

А далеко впереди, все дальше и дальше уходя по мелководью, двигалась черной тенью фигура Предсказанного. Вот она показалась совсем вдали и пропала...

Злой ураганный ветер толкал в спину одинокую фигуру идущего человека. Утро было серое, пасмурное. Бесконечная вязкая равнина, покрытая гниющими водорослями, расстилалась пред ним. Одинокими холмами возвышались на ней остовы кораблей, вросших наполовину в тяжелый ил дна. Человек спотыкался, падал,

вставал и снова упрямо шел. Лицо его покрылось многодневной щетиной, волосы сбились, перемешавшись с грязью, руки от частых падений были разодраны в кровь. Но он непреклонно двигался вперед. Молнии сверкали в низком небе. И когда гремел гром, человек бормотал полусвязно:

– Я иду, иду, Господи... Ну что ты... Я все помню... Я иду...

...Он решил отдохнуть в руинах какого-то древнего города, попавшегося ему на пути. Он пристроился возле развалин и сидел, тяжело дыша. Темнело. Полуживая рыба, которую он собрал по пути себе на ужин, еще шевелилась, дико тараща свои водянистые глаза и раздувая жабры. Он ел медленно сырую рыбу и оглядывался вокруг. Он видел амфоры, статуи среди истертых временем стен. За ними возвышался полуразрушенный остов корабля. Скелеты лежали, перемешавшись со слитками золота и драгоценными камнями. Везде было много разнообразных монет. Он поднял одну из них. На него смотрело с нее безвестное лицо в императорской короне. Мечи, наконечники стрел и копий чернели на плитах строения. Среди них билась мелкая рыба.

Скелеты жителей этого города, бог весть когда погрузившегося на дно моря, выступали сквозь ил.

Человек тяжело прикрыл глаза и произнес вслух, словно припоминая что-то, повторяя чью-то интонацию и чей-то голос:

– О царь богов Вишну, сказал Брами... Я видел, как все исчезало вновь и вновь... В конце каждого круговорота... Все возвращается в бездонную, дикую бесконечность океана...

Человек замолчал, задумался, открыв глаза, будто проснулся. Ветер трепал его посеревшие волосы. Он встал и, тяжело переставляя ноги, пошел к остову корабля, пытаясь найти там место, закрытое от пронизывающего ветра.

Пристроившись в разломе каюты, он лег, подтянув ноги, положив голову на влажный истлевший пол, и смотрел на предметы, близко лежавшие возле лица: посуду, монеты, штурманские компасы и песочные часы. Он видел картинку на стене под грязным стеклом – чуть различимые фигуры среди прекрасных роц и холмов. Где-то вдали прогремел гром и, уже засыпая, человек пробормотал устало:

– Я иду, Господи... Я помню... Мне нужно... немного поспать...

Потом возник шепот из чуть приоткрытых губ, будто само дыхание человека обрело звучание, сливающееся с ветром, шуршанием песка...

... Из глубины воззвал к тебе, Господи...

... Из тьмы скорбей мира сего к тебе, Спасе, взываю:

Господи, Господи, услыши вопль мой,

Внемли гласу моления моего, на тебя, Единого, уповаю.

Не воздавай мне по беззакониям моим, и прости грех неведения моего...

Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от мене...

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй мя.

Господи, Господи, прости дерзновение мое, ибо в пустыню сокровенную ныне вступаю, к престолу Истины Твоей приношу воздыхание мое, и слова псалмопевца Твоего повторяю в сердце моем, как сказано: «Кто обитает, Господи, в жилище Твоем? Или кто посмеет вселиться во Святую гору Твою?»...

Но да уповают на Тя знающие имя Твое, как сказано:

«Сокроешь в тайне лица Твоего от мятежа человеческого»...

... Господи, дай разумение сердцу моему, в чащобе греха блуждающему от рождения своего, и возвыси дух мой, многогрешный, к пониманию истин Твоих. Ибо страшна пелена на глазах живущего в мире сем, и беспредельна тьма, укрывшая его.

... Не оставь мя, Господи, не отступи от мене...

... Вот я – пред Тобю, Господи, и дух мой в руке Твоей, словно прах перед лицом ветра...

Господи, Царю Небесный, мириады звезд на ладони Своей держащий, услыши вопль песчинки Твоей, ибо несть числа песчинкам Твоим, и бесконечна пустыня Времен Твоих, и как докричатся?

Кто дерзнет возвести очи горе на сияние имени Твоего, кто постигнет тайну Твою беспредельную?

... Господи, Господи, Боже мой... Услыши рыдание сердца моего, яко блудный сын к стопам Твоим припадаю, даруй разумение сердцу моему, ибо страшен путь человека во мраке неведения слов Твоих, но кому из смертных дано понимание сокровенного?

Кому дано открыть покров тайны Твоей и название дня и часа предсказанного Тобой? Кому?...

... «Огонь низведу на землю», – сказал Ты.. Что это значит?

Ты предсказал нам конец мира, но не сказал – почему..

Разве у нас есть выбор?.. Ведь сказано: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим...»

... Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас..

На Тебя, Единого, уповаем, как сказано: «и не будет забыт нищий и терпение убогих не погибнет до конца...»

... Отче наш, буди милостив ко мне, грешнику..

Аминь.

Он проснулся глубокой ночью от непрерывно гремящего грома.

– Темно еще, – пробормотал человек, растирая ладонями лицо. – Зачем ты разбудил меня?.. Ведь еще ночь...

Окончательно проснувшись, он прислушался и вздрогнул. Явственно шумела в темноте прибывающая вода.

Он наощупь двинулся вдоль стены каюты и, выйдя из корабля, погрузился тут же по пояс в холодную воду. Одна за другой вспыхивали молнии, и потому он мог видеть и различать предметы в окружившем его мраке, пенные гребешки волн.

Он брел по пояс в воде, наугад, мимо остова корабля, все дальше и дальше в темноту, будто знал куда. Перекрывая вой ветра, шум волн и раскаты грома, он кричал, вскидывая голову к черному небу:

– Куда?! Куда мне идти?.. Покажи мне!.. Ты же видишь – я не знаю пути... Дай лодку, дай что-нибудь... У меня сил больше нет!..

Он споткнулся, упал. Волна накрыла его, перекатившись через его тело. Он снова встал и, зарывав от отчаяния, пошел наугад, вздрагивая спиной под ударами волн.

Он шел, пока не уперся в скользкие валуны. Взобравшись на них, он оказался на сухом, продутом ветром месте. Шуршал песок. Он оглянулся. Вода медленно прибывала, но еще не достигала сюда.

– Значит, еще есть время, – пробормотал он. – Сколько времени у меня, Господи? Сколько времени у меня?! – выкрикнул он в темное небо, озаренное молниями.

В ответ раскатисто прогремел гром. Человек вздрогнул и побежал вперед. Там, в слабой рассветной полоске, проступали контуры древнего города на высоких холмах.

...Он бежал по склону холма, взбираясь все выше и выше. Он падал и полз, царапая землю, и снова бежал. Он бросал свое тело на землю, словно хотел разбить его, и катался по земле, как бесноватый. Он выл древним звериным воем, задирая голову к небу, и безумием наполнялись его глаза.

Он полз, разгребая землю, бормоча бессвязным полубезумным шепотом:

– Не оставь мя, Господи, не отступи от мене... Не оставь мя, Господи, не отступи от мене...

И снова полз и бежал, пока не достиг вершины, и там замер. Огромный деревянный крест, словно фигура, раскрывшая руки, стоял над ним, чуть склонившись вперед, нависая. Свисали обрывки веревок, идущих от гвоздей, под

ураганным ветром стучала табличка с истертой надписью. По бокам, наклонившись, стояли два других истлевших креста.

Отдаленно гремел океанский прибой, неумолимо надвигаясь на город.

Он припал головой к подножию, словно хотел зарыться лицом в землю от стыда, и так лежал неподвижно, вздрагивая плечами, застыв в безмолвной мольбе. Ветер с корнем вырывал сухие травы-водоросли рядом с его лицом.

Наконец он приподнял голову, полубезумный глаз, сверкнув, уставился куда-то вверх.

– Господи! – хрипло воззвал он. – Услышь меня, Господи... Не за себя ведь прошу... Молю тебя... выпусти их отсюда!.. Дай им по молитве их и по вере их... Пусть не всех, пусть не всех... Понимаю... Я ведь знаю, не могут все сразу уйти... Но только увечных, за чужие грехи страдающих... Избранных твоих... Выпусти их, Господи, отпусти с миром... Ведь знаю, все в этом мире проклято, все здесь обречено, все погибнет. Все в этом мире есть ложь и дьявол – отец лжи! Ты сам ведь сказал – весь мир во зле лежит и нет ни одного праведного. Ни одного! Ты сам так сказал. Так выпусти. Господи... Призови нас к себе, проклятых, в царство твое... По великой милости твоей и великой твоей любви. Выпусти нас отсюда!.. Ведь ты обещал, как сказано: и увидел я новое небо и новую землю... И прошлое миновало...

– И прошлое миновало, – повторил он.

Снова взгляд его летел над водой. Волны безразлично двигались в пустыне моря. Бесконечность. Нет берега.

Огонь горит в окне. В гостиной полутьма. Ингра стоит у окна, смотрит сквозь небольшую щель в закопченном стекле куда-то в даль свалки. Черная одежда на ней подчеркивает осунувшееся лицо.

– Вертолет, – говорит она кому-то, чуть повернув голову.

Подходит к креслу, в котором сидит, задремав, Рау, тербит его за плечо.

– Вертолет прилетел, – повторяет она.

– А? – вздрагивает он. – Да, да... Иду...

От вертолета к дому идут Инспектор и четверо незнакомых людей с носилками. Рау поджидает их, затем все вместе входят в дом.

Ингра стоит, смотрит издали на происходящее в подвале. Ей мало что видно, но она не подходит ближе. Четверо незнакомых что-то кладут на носилки, укрывая брезентом, Рау и Инспектор тихо переговариваются между собой; вероятно, Инспектор о чем-то спрашивает – Рау отрицательно качает головой.

Ингра поднимается в прихожую, стоит, ждет, кутается в черный шарф, смотрит в открытую дверь. Она вздрагивает, услышав шаги.

Мимо нее проносят носилки, укрытые брезентом. По виднеющейся обуви и чулкам ясно, что это Тина и Дурик.

– Я поеду с Инспектором, оформить бумаги, – говорит Рау.

Ингра кивает.

Рау выходит последним, догоняет идущих.

Ингра закрывает дверь на засов.

Открыта балконная дверь. Серое, грозное море. Большие черные волны накатываются на выступ балкона. Темнеет. Ингра подходит к дверям балкона, смотрит в серую полумглу, затем закрывает дверь.

Она подходит к кушетке, смотрит на смятую постель. Берет подушки, снимает с них наволочки, бросает на пол. Затем садится на край кушетки, задумавшись о чем-то. Смотрит на смятую простыню, замечает что-то, приглядывается....

...Ее рука скользит по складкам простыни, распрямляя их, останавливается возле пятна, четко обозначившегося в центре простыни. ...Ингра смотрит на пятно

и вдруг, закрывая лицо рукой, начинает смеяться – беззвучно, истерично, затем так же неожиданно замолкает. Сидит, смотрит устало перед собой в пол.

...Ингра зажигает свет. Она сидит у зеркала перед небольшим туалетным столиком. На ней халат, вероятно, собралась уже спать. Она вглядывается в свое лицо, разглаживая морщины. В желтом свете лампы она кажется резко постаревшей, почти старухой. Мокрые волосы ее гладко, по-стариковски, зачесаны. Она перебирает свои волосы вдоль висков, замечает, что почти все они седые. Распахивает халат, рассматривает глубокие морщины на шее, на груди, затем гасит свет. Сидит в темноте. Полутемное отражение ее в зеркале – серо-черное, как посмертная маска.

Медленно капают капли из пузырька в стакан с водой. Вода становится мутной.

Ингра выпивает содержимое стакана, морщится. Ищет на полке таблетки, бросает одну из них в стакан с водой. Таблетка шипит, растворяясь. Выпивает содержимое стакана. Достает платок. Сморкается. Машинально разглядывает таблетки, доставая их из шкафчика. Издалека доносится нечеловеческий, тоскливый, берущий за душу вой. Ингра вздрагивает. Вой повторяется снова, уже ближе.

В окне появляется лицо Макса. Он видит Ингру и что-то кричит ей, припав к стеклу, но звука нет – беззвучие. В тишине только потрескивает пламя.

Трудно понять, о чем он кричит, к чему взывает.

То ли сообщает о какой-то страшной тайне, открывшейся ему на холме, то ли о мучительной тоске по милосердию и состраданию, о чудовищной жестокости живущих на земле.

Слезы текли по его щекам, он вскидывал голову и царапал свое лицо. Но вот он припал к стеклу и странная, мучительная улыбка исказила его лицо.

И показалось тогда Ингре, что говорит он о какой-то любви, бесконечной, беспредельной и все спасающей. Затем он схватился за горло, словно его душили спазмы, посмотрел прощально и пошел прочь от дома, в темноту свалки.

Ночное небо далеко вдали уже светлело полоской рассвета, и потому долго была видна его тень, удалявшаяся от дома.

Сверху его фигура казалась совсем маленькой. Он шел, спотыкался, вскидывал руки и снова шел, пока не растворился в серой дымке рассвета.

1987 г.